

Татьяна Соломатина

Радом,

или

Неотложное
состояние

КААРЫ

48-61

Роддом

Татьяна Соломатина

**Роддом, или Неотложное
состояние. Кадры 48–61**

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соломатина Т. Ю.

Роддом, или Неотложное состояние. Кадры 48–61 /
Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2016 — (Роддом)

ISBN 978-5-17-086396-9

Мальцева вышла замуж за Панина. Стала главным врачом многопрофильной больницы. И... попыталась покончить с собой... Долгожданное продолжение «бумажного сериала» Татьяны Соломатиной «Роддом, или Неотложное состояние. Кадры 48–61». Какое из неотложных состояний скрывается за следующим поворотом: рождение, жизнь, смерть или любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-086396-9

© Соломатина Т. Ю., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Кадр сорок восьмой	6
Кадр сорок девятый	21
Кадр пятидесятый	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Соломатина
Роддом, или Неотложное
состояние. Кадры 48–61

© Соломатина Т.Ю., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Кадр сорок восьмой Дурдом: Диалектика

1

Оксана Анатольевна проснулась не в духе.

Дело в том, что если ты лёг спать ровно полчаса назад, то дух за это время – как раз только успел выбежать за дверь. Он же не знал, в конце концов, что именно в этот момент и постучат. Да ещё и войдут, не дожидаясь ответа.

– Ну, что там ещё? – проворчала временно бездуховная Оксана Анатольевна.

– Там это... Вчерашние роды на дому²... Которые в нашем больничном скверике, – почтительно прошептала молоденькая акушерка первого этажа. – Они, вроде как, с ума сошли.

– Кто?!

– Так я же говорю... они... вчерашние роды на дому.

– Чтоб вам! Вызывайте ответственного дежурного врача!

– Так вы же ответственный дежурный врач.

– Тогда вызывайте первого дежурного врача!

– Оксана Анатольевна, первых дежурных врачей отменили. Кто ответственный – тот и первый.

– Вызывайте второго дежурного врача!

– Так вы Тыдыбыра сами отправили в гинекологию, ассистировать на ургентной.

Заведующая обсервацией со стоном оторвалась от подушки. Дух вернулся. Шустрый, сволочь! Легла-то она, может, и полчаса назад, а вот уснуть смогла только пару минут как.

– Какая она тебе Тыдыбыр!

– Ой, простите! – хихикнула акушерочка. – Анастасия Евгеньевна, конечно же!

Поцелуева уже спустила ноги на пол.

– Сейчас приду!

– Вторая первая палата, – услужливо напомнила дева.

– Знаю! – рявкнула Оксана.

«Второй первой палатой» назывался ещё один изолятор, которым обсервация вынуждена была обзавестись. Благополучие и, как следствие, образование населения вроде как росло. А вот количество разнообразно инфицированных, необследованных и рожавших на дому отчего-то увеличивалось. Вероятно, существовала какая-то взаимосвязь. Неочевидная и прочная. Как второй закон термодинамики. Но Оксане некогда было размышлять. Когда кто-то во вверенном тебе отделении «вроде как сошёл с ума» – не до физических основ натуральной философии.

Акушерка уже стояла у дверей «второй первой» палаты. И даже услужливо распахнула перед заведующей дверь.

¹ Первый кадр первой книги серии «Роддом» назывался «Дурдом». Почему бы и нет? Дурдом на месте. Но – в развитии. Как жизнь на Земле. Пока...

² Любые роды вне стен родовспомогательного учреждения называются «роды на дому». Даже если они на скамейке, в реку, под стогом и так далее. В истории родов записывается «роды на дому» – и является показанием к госпитализации в обсервацию.

На кровати никого не было. Смятое бельё в положенном первым послеродовым суткам состоянии – и никого.

Поцелуева одарила дежурную акушерку вопросительным взглядом, стоимостью куда больше рубля. Даже старорежимного.

– Под кроватью, – зачем-то глянув на потолок, прокомментировала акушерка.

– Так вытащи!

– Она кусается.

Оксана Анатольевна подошла, нагнулась и заглянула... Из-под кровати что-то зарычало.

– И рычит... Да. Её зовут Нана.

– Нана. Наночка, – ласково обратилась к родильнице заведующая обсервацией Оксана Анатольевна Поцелуева. – Наночка, вылезай, детка. Ты теперь мамочка, Наночка. От этого никуда не спрятаться, не скрыться.

– Я к ней зашла. Она под кроватью. Рычит и кусается. Я ребёнка в детское отнесла.

– Орден тебе, – язвительно отозвалась Оксана и протянула руку под кровать.

Нана с глухим рёвом вцепилась зубами в предплечье Поцелуевой. Но, цапнув, быстро отползла в угол. Оксана распрямилась, оглядела полученное ранение.

– Вот, гадина! До крови! Дай мне хлоргексидин, рану обработать и вызывай психиатрическую карету!

– Ей?

– Нет, мне!

– А что сказать?!

– А мне что сказала?

– Что вчерашние роды на дому вроде как сошли с ума.

– Вот так и им скажи!.. Хлоргексидин!

Акушерка бросилась к шкафу с медикаментами, Оксана Анатольевна подошла к умывальнику. Из-под кровати не было слышно ни звука.

Специализированная служба приехала через два часа. Без вины виноватые. Во-первых – их безжалостно сократили, мотивируя тем, что во всех цивилизованных странах функцию «прокатить до дурдома» выполняет полиция и пожарные. И, вероятно, как только у нас станет ещё меньше психкарет, мы сразу же станем очень цивилизованной страной. Во-вторых – Нана все два часа тихо сидела под кроватью. Акушерка только одеяло ей туда подкинула. Так... мол, для уюту.

Врач-психиатр, седенький сухой старичок с ноготок, ничуть не удивился, когда ему сообщили, что родильница сидит под кроватью. Точнее – лежит. В общем, гнездется. Что правда, слава богу, без новорождённого. Точнее – новорождённой. Хорошенькой девочки, которая появилась на свет вчера, без осложнений, на скамейке больничного сквера. И санитар морга, как раз в этот момент перевозивший на тележке что-то там, опустим подробности про ампутированные в ургентной операционной приёма конечности, справедливо рассудил, что конечно-стям уже ничего не будет, потеснятся. А вот живая девица, с живым же младенцем, нуждаются в срочной транспортировке в неподалёку расположенный родильный дом. Так Нана с ветерком и доехала. С новорождённой, мешками... ну и ветерком. Крохотную девочку санитар укутал в свой синий байковый халат для выхода. Нана была вроде как не слишком в себе. Но это легко объяснялось: нельзя быть слишком в себе, едва родив на скамейке. Зимой!

В роддоме быстро пришла в норму. Дитя обработано и отдано неонатологам. Родовые пути осмотрены. Согрели, обслужили, воссоединили на совместное пребывание. Паспорт с собой. Всего восемнадцать. Не замужем. Поняла, что рожает – отправилась в роддом. Немного не дошла. С чего вдруг под кровать залезла? Так вот вы нам и расскажите.

– Ясенько-понятненько! – Резюмировал седенький сухой старичок-психиатр и отправился в палату. В сопровождении громадного санитаря. С исключительно детским выражением лица. Как это бывает у очень больших мужчин и у очень больших животных. Например, у северо-кавказских волкодавов. Очень большие мужчины и очень большие животные – всё про себя знают. Поэтому имеют тенденцию быть дружелюбными и спокойными. И ещё – надёжными.

Поцелуева, разумеется, отправилась с ними.

Старичок-психиатр довольно ловко присел по-турецки на пол у кровати. Санитар облокотился на спинку – от чего даже новёхонькая мощная функциональная кровать, вздохнув, уперлась колёсиками в плинтус. Оксана, баюкая укушенную руку, стала у окна.

– Она кусается. И рычит. – Предупредила она старичка-психиатра.

– Это ничего, ничего! – Ласково улыбнулся он в пространство. Затем, чуть пригнувшись, промурлыкал в сторону логова: – Это кто у нас там такой маленький спрятался?

В ответ из-под кровати традиционно зарычало.

– Нэ просто малэнкий, а прямо нано-какой малэнкий, да?! – Отозвалась Оксана с нарочитым грузинским акцентом. Санитар одарил Поцелуеву неодобрительным взглядом, как если бы в присутствии доброго великана кто-то мучил котёнка.

– Нана! Красивое имя! – Умилился старичок-психиатр. – Означает: нежная, добрая... А вы, Наночка, рычите. Доктора покусали. Расскажите, Наночка, что вас беспокоит. Мы вас не обидим. Мы вам поможем. Мы всё-всё поймём.

Под кроватью молчало. Но уже хотя бы не рычало.

– Вы, Наночка, стали мамочкой. Вы, мамочка-Наночка, сейчас в компании ваших добрых друзей. Добрых и сильных, – он кинул мимолётный взгляд на санитаря. – Добрых и сильных друзей, которые никому вас не дадут в обиду.

Санитар уверенно кивнул в никуда, как кивает в никуда преданный пастуху северо-кавказский волкодав. Оксана открыларот, но старичок-психиатр окоротил её жестом. А ведь он сидел к ней спиной! Вот ведь!

– Расскажите нам, Наночка, что вас напугало?

Шуршание. Все насторожились. Кроме старичка-психиатра, который, согнувшись, кажется уже в три погибели, заглянул под кровать. Его глаза лучились светом, озарившим подкроватьное логово... нет, не зверя, а – нашкодившего ребёнка. Без малейших признаков помешательства.

– Он меня убьёт! – Всхлипнула Наночка-мамочка, потянувшись навстречу психиатрическому свету, и пустила слезу.

– Никто вас, Наночка, не убьёт. Мы ему не позволим! – Старичок протянул Нане руку. – Ну, выбирайтесь же, радость моя! Вы, конечно, сущее дитя, но не собираетесь же вы пылиться тут вечно вместе с чужими тапочками за компанию, правда?

Нана несмело протянула маленькую ладошку навстречу ветхому ангелу.

Что-то это напоминало Поцелуевой. Ну да! Сикстинская капелла. Ватикан. «Сотворение Адама». Вот только недавно они с Родиным...

В этот момент в коридоре раздался топот, крики акушерок, похожие на вопли чаек при дележе недоеденного, – и в палату, преодолевая сопротивление, ворвался грузный невысокий мужчина очевидно грузинской наружности. И подкроватьное дитя человеческое отдернуло руку, так было доверчиво протянутую к свету жизни.

– Где эта шлюха малолетняя?! – Зарычал взлохмаченный сизый посетитель.

Но не успела Оксана – в очередной раз! – рта раскрыть, – как хулиган нежно и ловко был фиксирован громадным санитаром. Оксана не уловила ни малейшего движения. Просто – раз! – и скандалист был обезврежен. Только ножками в воздухе болтал.

– Если вы пообещаете мне не буйнить и не сквернословить, я разрешу поставить вас на пол. – Ни на секунду не изменяя ласковым и доверительным интонациям, сказал седенький сухонький старичок-психиатр.

– Да я!.. Да она!.. Опозо... – хрипел мужик, продолжая болтать ногами в воздухе в полуметре от пола.

– Андрей Потапович, не будете ли вы столь любезны вернуть гражданина в естественную среду обитания?

Андрей Потапович был любезен. Но, как только гражданин обрёл почву под ногами – он снова попытался выразить свой непонятный пока Поцелуевой протест, очевидно адресовавшийся подкроватной Нане, сидевшей снова тише мыши. Психиатр сделал санитару бровушками – и сизый снова взлетел.

– Вы не находите, что конструктивный диалог возможен только в тишине и покое? – поинтересовался старичок, и не думая изменять своей позе, всего лишь подняв взгляд вверх.

Багровеющий гражданин, прорвавшийся в отделение через все кордоны, кивнул.

– Вот и славно.

И старичок снова отдал санитару невербальный приказ: опустить. Потапыч послушался, но ворот подопечного пока придержал в лапе. Внимательно просканировав буяна несколько мгновений, старичок-психиатр скорее констатировал, нежели уточнил:

– Вы – отец Наны.

Мужчина кивнул. И снова-здорово стал брызгать слюной:

– Принесла в подоле! Проститутка! Да я...

– Ну как же вы можете говорить такое о своей дочери! Которую вы назвали нежной и доброй! Вас как зовут?

– Автандил, – как-то очень быстро представился мужчина. Возможно от удивления тому, что странный дедуля в белом халате, сидящий на полу, знает значение грузинских имён.

– Прекрасное имя! – Старичок-психиатр аж ахнул от восторга. – Означает: «Сердце Родины». Сердце Родины, родившее нежную и добрую. Как красиво!

Старичок мечтательно уставился в окно, мимо Оксаны Анатольевны, которая наблюдала за происходящим с некоторым недоумением. Но решила ни во что не вмешиваться. В конце концов психиатр – вот он. Пусть и разбирается.

– А я – Пето Бердианович.

Он протянул Автандилу руку. Так и не вставая с пола. Потапыч слегка наклонил мужика, всё так же удерживая его за воротник. Рукопожатие состоялось.

– Нет, я давно уже Пётр Валерианович, конечно же. Но на самом деле я – Пето Бердианович. Пето – камень. Бердиа – дарованный богом. Забавно. Камень, дарованный богом. Моя семья живёт в России с тысячу восемьсот первого года. Переехали аккуратно после упразднения династии Багратидов – по их же, заметьте, просьбе. И перехода Грузии под протекторат Российской империи. Но вы грузин, вы знаете нашу историю. У нас сохранилась традиция называть детей грузинскими именами. Предки и потомки очень трепетно, да-с... Так что по паспорту я – Пето Бердианович. А так – Пётр Валерианович. Удобней. Наверное... Поздравляю вас, Автандил! Вы стали дедом. Быть дедом – это прекрасно! Я когда первый раз стал дедом...

– Да у неё мужа нет! Учёба – не окончена! Мать – с ума сойдёт! – Перебил Автандил старичка-психиатра. Было видно, что он уже куда спокойней. Хотя горячка ещё не прошла. – Квартиру ей снимали в центре города, как человеку! Ничего для неё не жалели!

– Когда я первый раз стал дедом, – безмятежно продолжил седенький сухой психиатр, – у моей дочери не было мужа. И когда я второй раз стал дедом – у моей дочери не было мужа. И даже когда я третий раз стал дедом – у моей дочери всё ещё не было мужа. Скоро я четвёртый раз стану дедом – и...

– И у вашей дочери всё ещё нет мужа! – Рассмеялась Оксана Анатольевна.

– Именно, деточка! Именно! – Радостно отозвался он. – Первенький мой внук – брюнет такой кареглазый, прекрасно рисует, очень добрый мальчик. Хотите, я покажу вам его рисунки?

Он вынул из кармана халата айфон, оживил, открыл нужное приложение и протянул Оксане: – посмотрите! Это же новый Нико Пиросмани!

– Я вижу, что не Резо Габриадзе! – Хмыкнула Поцелуева, вскользь пролистывая косорылых собачек, плоских человечков и страшно кривые фрукты.

– Да уж, конечно! Резо – конъюктурик и подражатель! А у моего первенького внука – свой стиль! Второй мой внук – он прекрасно танцует. Он так исполняет картули! Что вы! Картули – это... – Он посмотрел на Автандила.

– Грузинский народный парный свадебный танец. – Пробурчал тот старичку. – Да отпусти ты! – Это относилось уже к дюжему санитару.

Санитар вопросительно посмотрел на старичка-психиатра. Тот кивнул. Потапыч выпустил мужика – и тот как-то сразу беспомощно опал плечами.

– Вы садитесь, садитесь! – Старичок-психиатр постучал ладошкой по полу рядом с собой. – В ногах правды нет.

Автандил опустился рядом, приняв ту же странную позу по-турецки. Старичок похлопал его по плечу.

– Придон Сулаберидзе! Не меньше! Позвольте? – он протянул Оксане руку – она с радостью отдала старичку его айфон. – Вот, смотрите! – он быстро нашёл в айфоне видео, включил просмотр и протянул незадачливому грузину. В палате телефонно загудели дудки. Автандил беспомощно пялился в экран. Тощий малыш лет пяти яростно перебирал ножками с совершенно зверским выражением лица.

– И какая разница, что для моей дочери никто так и не исполнил узаконенную пляску любви, если у меня есть такой шикарный внук, а?! Что скажете?!

Он пристально посмотрел на Автандила.

– А моя крохотная внучка – она уже сейчас гулит, как... Тамара Гвердцители так «Арго» не исполняет, как моя крохотная Наночка гулит! Сейчас я вам... – Он снова взял свой айфон.

– Нана... – вдруг жалостно обратился Автандил под кровать. – Наночка! Тебя никто не будет ругать! Нана! Кто у меня?.. Внук или внучка?

– Внучка, папочка. Внучка!

Нана очень шустро выползла из-под кровати и бросилась на шею отцу. Она заплакала. Он заплакал. Но это были слёзы радости, прощения и приятия.

– Ну вот и хорошо. Вот и хорошо, – старенький седенький психиатр снова похлопал Автандила по плечу. Санитар помог ему подняться. – Вот и хорошо, вот и славно. Как есть моя семья проживает в Российской империи с тысячу восемьсот первого года и я безнадежно испорчен всем этим русским, я вам так скажу! – Под счастливые всхлипы он обратился почему-то к Оксане Анатольевне: – Не важно, чей бычок вскочил – телёночек-то наш! Или как говорят у нас в Грузии: большое дерево сильный ветер любит. Хотя, может быть, это для другого случая.

– Сюда тоже можно! – кивнула Оксана.

– Автандил наш явно не вчера с гор спустился. Просто горячи мы, грузины. Горячи. Но добры и нежны!

– И отхоооодчивы! – Совсем растёкся по полу новоявленный дедушка, обнимающий свою неразумную юную дочь, ставшую мамой.

– Спасибо вам огромное! – Говорила Оксана Анатольевна, провожая старичка-психиатра к его специализированной карете.

– Ну что вы! Это всего лишь моя работа! К тому же – приятная её часть. Мы с коллегой, – он кивнул на огромного спокойного санитаря, – все сутки занимались таким... Лучше вам и не знать, деточка! А тут всего лишь любящие друг друга отец и дочь. Казус недопонимания.

– Но как же здорово, что вы грузином оказались!

– Это вы нашего Петра Валерьяновича ещё таджиком не видали! Абдушукуром Файзидиновичем! – Впервые за всё время подал голос санитар.

– Просто я старый добрый образованный еврей! – Радужно развёл руками сухонький седенький врач-психиатр, обаятельно улыбнувшись Оксане.

– Но рисунки, рисунки внука!

– Люблю, милая, Нико Пиросмани. Ничего с собой поделатъ не могу. А при нынешнем развитии технологий разыскать в Интернете что угодно – танец маленького мальчика или песни маленькой девочки – занимает считанные секунды.

– Но у вас же самого есть внуки?!

– Есть. И внуки есть. И внучки. И незамужняя дочь. Тут всё абсолютная правда. От чистого сердца. Любая манипуляция во благо должна быть искренней и происходить от чистого сердца. Без души, так сказать, и помыслов высоких живых путей от сердца к сердцу нет, как сказал немец Гёте. Счастливо оставаться!

Оксана некоторое время смотрела вслед отъезжающей машине. «Были же люди! – думала она. – Почему были? – есть!» Одна такая встреча с таким человеком – стоит того, чтобы жить. Как быстро он всё сразу понял. Как быстро оценил-решил. Ему бы священником. Или – переговорщиком. Ну? А психиатр – он кто? Вракует души. Образумливает. Ведя из тьмы на свет. Словом можно убить, словом можно спасти...

И не заметила как вернулась в кабинет, сварила кофе и...

Оксана Анатольевна оглядела кабинет. Так и не научилась пока говорить о нём: «свой». Не её кабинет. И ремонт этот делался не для неё. Любящая Маргоша отделала всё в бежево-пыльном и бледно-зелёном для своей любимой Татьяны Георгиевны Мальцевой. И даже постер-репродукция анатомического рисунка Леонардо Да Винчи «Плод во чреве матери», вокруг которого некогда разыгралось столько страстей³, был на месте. Этот рисунок никогда не нравился Оксане Анатольевне. Но снять она его не решалась. Не её собственность. Он как будто бы ждал хозяйку. Давал ощущение уверенности в том, что всё как бы понарошку. Что ты – не заведующая огромным и ответственным наблюдательным отделением большого родильного дома, входящего в состав огромной многопрофильной больницы. А всего лишь играешь в заведующую. А когда играешь – ошибки не то, чтобы исключены... В игре ошибки – не фатальны.

Поцелуева смотрела в окно. На подоконнике всё ещё стояла пепельница Мальцевой. Оксана не курила. Но даже убрать эту пепельницу в шкаф – не могла. Как-то раз Тимофеевна, убирая кабинет, убрала пепельницу в ящик стола – Оксана Анатольевна долго, несправедливо и незаслуженно кричала на старую верную санитарку. Потом извинялась. Но пепельницу вернула на место. Как будто без пепельницы и без этого ужасного постера в чёрной рамке – это был не кабинет заведующей, а просто помещение. Безжизненное помещение из поэтажного плана. Как будто эта дурацкая пепельница и ужасающий постер – душа этого отделения... Бред! Большой бред от недосыпа и перенапряжения!

В кабинет забежала встревоженная Разова.

– Оксана Анатольевна! У других родов на дому – позднее послеродовое кровотечение! Поцелуева спокойно обернулась.

³ См. «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37», Кадр тридцать первый, «ЦА».

- И чего суетишь? Анестезиолога и в манипуляционную на выскабливание.
 - Уже. Вы будете делать?
 - Ты будешь! Под моим контролем.
- В глазах Тыдыбыра загорелся здоровый хирургический азарт.

Анастасия Евгеньевна очень изменилась. Достаточно будет сказать, что она похудела на тридцать килограммов. И оказалась великолепной тощей блондинкой с точёными чертами лица. Настоящей красавицей. Она не только похудела, но и пошла в спортзал. А главное – стала жить отдельно от любящих мамы и папы. Соответственно – без кулинарных изысков и, что важнее, излишеств любящей родительницы. Так что футболка с принтом «Не подменяй понятия», подаренная ей при вступлении в Общество анонимных врачей⁴, теперь стала ей ну полный оверсайз. А ещё Анастасия Евгеньевна окончательно и бесповоротно влюбилась в уже не интерна Денисова. И это было очень печально. Поскольку уже не интерн Денисов не обращал на неё ни малейшего внимания. То есть как – не обращал. Он дружил с Настей. И вот только сегодня ночью они вместе отстояли в ургентной операционной приёмного покоя главного корпуса. Они иногда вместе ходили в буфет. Пересекались, в общем, по работе и по жизни. Но он понятия не имел, что Настя Разова в него влюблена. Не то потому что не заметил метаморфозы. Не увидел, как смешливый блондинистый колобок-разбойник стал настоящей принцессой: стройной, красивой; и подающим большие надежды молодым специалистом. Не то потому что был из малочисленной породы однолюбов, которые уж лучше не будут ни с кем, чем станут не с той.

Но обо всём этом ординатор обсервационного отделения Анастасия Евгеньевна Разова не думала, большой акушерской кюреткой выскабливая послеродовую матку. Она целиком и полностью была сосредоточена на операции. И Оксане Анатольевне нравилось наблюдать эту профессиональную сосредоточенность. Мы – это и наши ученики. Они – наше продолжение. И если повезёт – развитие.

Пройдя за Настей углы и дно, удостоверившись в правильности сделанных назначений, Оксана Георгиевна поднялась на пятый этаж. Сегодня у Родина была плановая. Сложнейшая беременность. Им созданная – как репродуктологом, разумеется. Под его патронатом – как акушера-гинеколога, – проведённая. И, разумеется, кого же он как хирург возьмёт в ассистенты? Любимую жену. Не потому что жена. И не потому что – любимая. А потому что так надёжней. С Оксаной – просто надёжней.

Да, Оксана Анатольевна Поцелуева и Сергей Станиславович Родин скучно поженились. Как чаще всего и делают действительно любящие друг друга достаточно зрелые люди. Зрелые чувствами. Умом. Не потому что устали или объелись – как может подумать менее зрелый всем перечисленным человек, будь он даже глубокий старик. Да, у Родина было в анамнезе три жены. Да, Оксана Анатольевна несколько путалась в количестве своих предыдущих браков, скреплённых печатью. Ей даже пришлось потратить некоторые усилия на разыскивание мужа под последним порядковым номером. Дабы развестись. Как известно, женатых у нас не регистрируют. И Родин дооформил некоторую положенную документацию. После чего они сходили в скучный районный отдел записи актов гражданского состояния, где скучно же и зарегистрировали брак. Без свидетелей, голубей, свидетелей голубей и прочего в периоде. Более непохожих друг на друга – с первого взгляда, и более счастливых вместе людей – трудно было бы прямо сейчас найти на Планете. Поцелуеву всё ещё по привычке именовали Засоскиной (и даже если Анастасия Разова когда-нибудь станет министром здравоохранения, то для неко-

⁴ См. «Роддом, или Жизнь Женщины. Кадры 38–47», Кадр сорок первый, «Подмена понятий».

торых она навсегда останется Тыдыбыром⁵), но желание целоваться в состоянии лёгкого подпития как-то покинуло её. О чём она сама некоторым образом переживала, часто вопрошая у Родина:

– Вдруг я утратила способность увлекаться? Влюбляться? Гореть? Как без этого жить?!

– Ну что ты! – Немного ехидно успокаивал наш рыжий крепыш свою длинноногую красотку-жену. – Кто угодно, но только не ты! Просто или подпития совсем лёгонькие. Или же нет пока достойных объектов для увлечённости, влюблённости и горения. Как только – так сразу первым дам тебе знать.

Но они не находили достойных объектов, увлекаясь, влюбляясь друг в друга, друг другом же и горя. Поцелуева решила, что, наверное, что-то такое есть в рыжих. Он – ничего не решал. Просто любил её.

Сергей Станиславович уже накрыл операционное поле. На месте анестезиолога стоял всё тот же Аркадий Петрович Святогорский, насвистывая песенку про Трёх Китов⁶. Да он и сам был одним из тех китов, на которых покоилась эта многопрофильная больница. И надёжная, как старая потёртая монета на удачу, операционная сестра Любовь – была на месте. На операционном столе лежала женщина лет сорока с чем-то, со слегка тревожным лицом. А кто бы на её месте не тревожился, да?

– Доброе утро, Оксана Анатольевна. – Деловито поздоровался начмед по акушерству и гинекологии Сергей Станиславович Родин. – Всё будет замечательно! – Обратился он к женщине.

– Знаю! – Жёстко сказала она.

– Премедикация! – Только и выдохнул Родин в Святогорского.

– Можно работать.

– Разрез.

* * *

– «Когда б мы жили без затей, я б нарожала бы детей от всех кого любила, всех видов и мастей...». Знаешь такую песенку?

Операция прошла успешно. Свежеиспечённые тройняшки лежали в боксах – на всякие случаи первых суток. Женщина чувствовала себя великолепно.

– Ну?

– Что – ну?

– Ну, знаю.

– Ко мне обратилась очень странная баба... То есть баба – не странная. Красивая, взрослая, обеспеченная такая баба. Та, что мы сегодня оперировали.

– Да. Красивая. Обеспеченная. Поздновато кинулась. Ну да лучше поздно, чем... И всё же в порядке. Ты чего такой? Тройня? Не тебе удивляться. ЭКО же! Ты сколько уже этих троен насоздавал?!

– Это да... – Рассеянно бормотал Родин, заваривая себе чай, а жене – кофе. И продолжил, как будто не заметив её ремарки. – Обратилась со странной просьбой. То есть не с просьбой. А как бы это... С запросом услуги, вот. Тебе как женщине будет интересно.

⁵ История прозвища см. «Роддом. Сериал. Кадры 14–26», Кадр двадцатый, «Патология».

⁶ Из кинофильма «Трест, который лопнул».

– Что это за услуга такая интересная, что «как женщине», а не как акушеру-гинекологу? – Оксана Анатольевна уже начинала выходить из себя. – Не тяни резину! Что с этой бабой не так и главное, почему я узнаю это только сейчас?!

– Всё так, всё так... В смысле акушерства-гинекологии и здоровья в целом. Ну, за психическое не берусь, не моя епархия.

– Родин! – Строго уставилась на него супруга.

– Хорошо. Вот почему...

Он недолго помолчал под выразительным взглядом Поцелуевой. Набрал воздуха и...

– Потому что уже есть официально зарегистрированные случаи суперфекундации. В репродуктологическом смысле уже вроде как и ничего такого особенного. А вот как женщине... Точнее: мне будет интересно, что ты как женщина по этому поводу думаешь. Или, вернее сказать – чувствуешь. Потому что я, как мужчина, в тупике.

И Родин рассказал своей возлюбленной вот какую историю.

Пришла к нему на приём действительно очень красивая женщина. Не так, чтобы юная – сорока пяти лет. Весьма обеспеченная. Чем-то она там по жизни занималась. Не то рекламными кампаниями губернаторов, не то пиар-сопровождением революций... не суть. Дела хоть и непыльные, но очень нервные и суматошные. И весьма высокооплачиваемые. И как-то за всеми этими делами, а так же за постройкой роскошного особняка с бассейном на заработанное от всех этих дел, забыла дама замуж сходить. И не то, чтобы забыла, а как-то достойных не подворачивалось. А если и подворачивались – так уже женатые. А дама в любовницах состоять не желала. И ещё забыла ребёнка родить. И не то, чтобы забыла, а как-то не от кого было. А если и было, то... Ну как-то так в общем – ничего оригинального.

И вот – ба-бах! – сорок пять. Секретарша напомнила, что надо паспорт поменять. На последний. Так и сказала: «Елена Павловна, вам надо паспорт поменять на последний». Хорошая секретарша, но дурочка. Что взять. И ударило Елену Павловну. Всё есть. Но – время последнего паспорта. Чего-то не хватает. Мужика? Бог с ним. Сейчас совсем не обязательно. Личного борта? Да ну его! Муторно.хлопотно. Да и не настолько она богата. Просто, скажем, неплохо обеспечена. Котёнка? Есть коты и кошки. Собаки? Трое алабаев в вольере. Пока Елена Павловна уставилась на секретаршу, размышляя о своём, та и говорит, мымра малолетняя:

– Елена Павловна, если я вам сегодня больше не нужна – я пойду. Мне ребёнка надо из садика забрать.

Вот! Ребёнка!

Конечно же, она отпустила секретаршу.

Елене Павловне не хватало ребёнка. Точнее сказать – детей. Потому что женщине её достатка нужен был не один ребёнок. А трое. (Алабаи не при чём – чтобы кто ни подумал.) За один раз. Чтобы долго не мучиться – да и время поджидает. За один раз – но от разных. Это возможно. Она читала. Не только легенды и мифы Древней Греции, но и разнообразные околонаучные статьи. Наука достигла, учёные добились. Почему от разных? Чтобы разные. Это очевидно. Во-первых – очень интересно. Во-вторых... чтобы не все яйца в одну корзину. Генные комбинации довольно забавная штука. Дети нужны способные. Разнообразно способные. Бизнес. Спорт. Что там ещё? Искусство... Всё вроде.

Оставалось подыскать отцов. С этим были некоторые сложности. Нет, с мужчинами сложностей не было. У красивой и богатой женщины не бывает сложностей с мужчинами. Но нужны были не мужчины. Нужны были отцы. Правильные отцы. Доказавшие свою витальность. Умный и богатый. Олимпийский чемпион (неоднократный, разумеется). И какой-нибудь известный балерун, или художник, или писатель... Музыкант. Но тоже такой. С моз-

гами и счётом. Хорошим счётом. Чтобы в Форбсе. В детей хотелось упаковать как можно больше потенциальных способностей.

И сначала Елена Петровна пошла к умному и богатому. Логично. Художников со спортсменами хоть пруд пруди. Всегда на виду. А умные и богатые – с ними же как с партизанами: главное – вопрос доверия.

Такой у неё давно имелся в активе. Но не просто имелся. Он ей действительно нравился. Она же женщина, и ничто женское, как говорится... Она даже была в него влюблена когда-то. Страстно. И даже оставалась влюблена по сей день. Правда, уже спокойно. (Ох, уж эта незримая, но незыблемая грань между «когда-то» и «сейчас».) А что?! С женой всё равно никогда не разведётся. (Хотя и тасует молоденьких «просто девушек» на глазах у Елены Павловны, вызывая её жгучую ревность.) Так что? Логично, что после «страстно» и «спокойно» подошла очередь «методично». То есть то, что называется «деловым предложением». И не надо думать, что она хотела предложить ему бабки в обмен на генетический материал. Елена Павловна не стала бы такой, мягко сказать, не бедной – если бы не была умной. Она пришла к умному и богатому товарищу-господину, с которым была знакома уже лет двадцать. И с которым она не раз сотрудничала на нивах разнообразных цветных, цветочных и прочих овощных и фруктовых революций. Лозунги и платформы просто так не рождаются. Кричалки не на майданах сочиняются. А под сенью. Да под трюфеля. Понимать надо.

– Игорь Петрович, есть дело на сто миллионов. Рублей. Но – тоже неплохо.

Игорь Петрович посмотрел на старую боевую подругу крайне заинтересовано. Миллионы он любил. Хоть в чём. Миллион – это сакрально. Осознаваемо. Приемлемо. Понятно, да?

Секретарша принесла свежесваренный кофе, к которому Игорь Петрович присовокупил прекрасный коньяк. И товарищи проговорили часа три примерно. Проект Елены Павловны был великолепен.

В Думе у неё были люди. Ею же туда и посаженные. В стране очень пекутся о репродуктивном здоровье нации и всей этой байде. То абортуют запретить. То высшее образование женщинам собираются разрешить получать только по предъявлению карапуза. То материнский капитал с тройным подвыподвертом пытаются (не)выдать. Давят в основном на женщин, дураки. Чем гнев этих самых женщин и вызывают. За что сражались Клара и Роза, в конце-то концов?! Зря, что ли, померла Инесса Арманд? Впустую, что ли, Мура Закревская пощипала Максима Горького и распотрошила Герберта Уэллса?!

И вот, значит, надо в Думе протолкнуть такой законопроект. Мужской такой законопроект. Мужчины – все поголовно – возрастом от восемнадцати и до могилы, – сдают сперму. Чтобы проверить, а как в Рассеюшке дело с самцовостью обстоит?! Чего всё на баб вешать? Ты представляешь, сколько на этом деле можно бабла сорвать? Всей вертикали хватит по три раза!

Игорь Петрович представлял. Он вскочил и, потирая руки, стал взволнованно прохаживаться по кабинету. Стены обители были увешаны дипломами, грамотами, правительственными документами, удостоверявшими подлинность наград и званий. Остановившись под одним из них, гласившим, что Игорь Петрович является создателем и бессменным председателем общественной организации «Отцы Отечества против курения детей Отечества», он закурил. Недавно он купил замок во Франции и уже приглядывал небольшой островок в Океании...

– Отличная идея! – Резюмировал он с восторгом. – Под это дело мы организуем кампанию...

– Да! Кампанию! Именно кампанию! И все первые...

Он строго поглядел на подругу, покосившись на портрет первого лица в богатой раме, по толщине и витиеватости втрое превышающей сам образ, так сказать.

– ...не последние лица страны, – тут же поправились она. – Все знаменитости мужского пола – сдадут сперму первыми. И, разумеется, ты. Как первое лицо...

Игорь Петрович снова косо взглянул на портрет и прикурил последующую от предыдущей.

– Как первое лицо кампании! Движение за...

Елена Петровна посмотрела на своего друга. В названиях он был дока. Целая революция так и не узнала, кому и чему она обязана своим гордым названием «Помэранчевая». Оранжевая.

Сидела как-то группа товарищей высшего политтехнологического звена в киевском ресторане, распивала спиртные напитки, и продумывала все мелочи. Не было только главного – названия. Игорь Петрович поманил официантку и заказал кувшин свежесжатого апельсинового сока. Обильная еда, река спиртного и курение в режиме «чейн-смоук» очень способствуют жажде. Официантка посмотрела на Игоря Петровича строго, нахмурила брови и сердито пролаяла:

– По-мэ-ран-чо-во-го-нэ-ма!

– Чё? – удивился Игорь Петрович.

– По-мэ-ран-чо-во-го-нэ-ма! – Повторила непреклонная официантка.

Один из товарищей уже утирал слёзы. Они третий день все хором утирали слёзы. В волнуемой матери городов русских шёл фильм «Женщина-кишка». Игорь Петрович уже хотел было пойти на этот кровавый блокбастер, или же крутое порно – тут можно было предположить всё, что угодно. Но местные товарищи разочаровали Игоря Петровича, переведя ему с мовы на язык. Такая многообещающая женщина-кишка оказалась всего лишь женщиной-кошкой. В этой роли он любил тонкую блондинку Мишель Пфайфер, а вовсе не жопастую темнокожую даму, смотревшую с афиши.

– Апельсиновый, Игорь! Апельсиновый. На мове.

– Оранжевая! Помэ... Как вы сказали? – он метнул в недовольную официантку добрый взгляд № 3. – Щэневмэрла... Помэ... Помэранчевая революция! Оранжевая! Оранжевый – цвет победы, мечты и... того напалма, который кто-то пролил на морду нашего текущего пациента-заказчика⁷.

Но это было уже больше десяти лет назад и не имело никакого отношения к происходящему сейчас в кабинете Игоря Петровича.

– Не надо никаких движений. Никаких – за! – Сказал он Елене Петровне и отворотился к окну.

Он задумался – она трепетно внимала. Он шевелил пальцами, губами (она не видела, но знала) – она замерла, как ящерица на солнце. Наконец он поворотился к ней передом. И, взглянув на неё победоносно, изрёк:

– Икра...

– Нет! – Истошно оборвала она его.

Их взгляды обратились к портрету первого лица.

– Игорь! Икра – это яйцеклетка!

– Молоки России? – деловито предложил Игорь Петрович.

– Люди! Люди! Человеки! Не рыбы! – Отвергла его идею подруга. – Коротко, как выстрел. Чётко, как...

⁷ Хорошие обыватели всех русскоязычных стран могли уже и позабыть противостояние Янукович-Ющенко и первый Майдан. Всё течёт, всё меняется. Всё стирается. История ничему не учит тех, у кого слишком короткая память.

– Как Уваровская триада! – Подхватил Игорь Петрович. – Да-да-да, ты права! Зачем равняться на программы Пушкина и прочих неудавшихся чиновников из Царскосельского лицея, когда всё должно быть как пуля – дура, а штык – молодец.

– Проще! Ближе к народу!

– «Сперма России»? – осторожно поинтересовался гуру политтехнологий.

– Пф! – Зашипела Елена Петровна. – Стареешь!

И посмотрела на него с тревогой. Стареющая сперма была ей не нужна.

– Так-так-так! – Снова начал рассказывать туда-сюда Игорь Петрович. – Сейчас! Сейчас-сейчас!

Если бы речь шла о работе для какого-нибудь сотового гиганта или о выводе на рынок новой продукции, о дне рождения какой-нибудь олигархической компании, в конце концов – он немедленно собрал бы брейн-шторм. Но речь шла об эксклюзиве. Общественная организация и кампания по внедрению оной – это вам не минздрав с минюстом и министром наплакали.

– Русская ДНК! – Сурово глядя на подельницу, выдохнул Игорь Владимирович.

Елена Павловна состроила скептическую рожицу № 2, помахала ручкой и осторожно прокомментировала:

– Попахивает нацизмом.

– ДНК нации! – Закричал Игорь Петрович, на радостях хапнув французского коньяка прямо из бутылки и закулив следующую сигарету. – «ДНК нации» – и никто не придерётся ни с нацизмом, ни с национал-социализмом, ни с шовинизмом, ни с...

– Да ни с чем не придерётся. Давай только: «ДНК страны». Так ещё обтекаемей.

– За Веру, ДНК и Страну! – Припечатал Игорь Петрович, отсалютовав бутылкой и сигаретой портрету первого лица. – Он?.. – с аккуратным сомнением поинтересовался Игорь Петрович у подруги.

– По желанию. По желанию... Мне никогда не нравились его не слишком канонические черты лица.

В этом месте беседы она поняла, что ляпнула лишнего. Но слава богам, её старый приятель этого не заметил. Он уже был в дымке золотого дождя. Он очень тщательно любил жену, детей и Родину. Ещё тщательнее он любил себя. И уж совсем неземной любовью он любил деньги. Поставь его перед выбором... Ах, нет! Не надо! Там, где любой рязанский мужик скажет: «разумеется, жена, дети и Родина!» – и соорудит козью морду любому, кто посмеет сделать ему такую пропозицию... Козью морду и медвежий кулак... У Игоря Петровича (который был очень образованным человеком) крутилась в голове всего лишь одна фраза. Одна наиглупейшая фраза: «Г-ну приставу Алексеевского участка от благодарных евреев купеческого звания».

– Ленка, слушай! Откуда это? – и он процитировал вслух.

– Ильф и Петров. «Золотой телёнок». – Сурово глянув на него, прокомментировала его не менее образованная соратница. И продолжила: – «Под надписью помещалось пылающее эмалевое сердце, пробитое стрелой, что, конечно, должно было символизировать любовь евреев купеческого звания к господину приставу».

– Ну да, ну да... – рассеяно отозвался Игорь Петрович. – «...в то время как один русский (загадочная славянская душа), другой – еврей (загадочная еврейская душа)...»⁸.

И обе эти души – Елена Павловна (славянская душа) и Игорь Петрович (еврейская душа) немедленно засели за работу. И уже через несколько часов была готова программа кампании

⁸ Игорь Петрович цитирует нам господина-товарища Илью Арнольдовича Ильфа, чем в очередной раз подтверждает нам свою недюжинную образованность.

«За Веру, ДНК и Страну». С целями, задачами, платформой и обеспечением. И даже законопроект для продвижения в Думу. Брендированные фляжки прилагались.

А ещё через месяц Елена Павловна имела сперму всех не последних лиц страны. И даже... Но ей никогда не нравились его черты, как было сказано выше. А дети должны были быть не только способными, но и красивыми.

Денег собралось немыслимое количество. Рекламными и общественными спонсорами выступили... Но оставим подробности. Кто-то получил остров. Кто-то – солидный кусок Черноморского побережья. Кто-то – эфирную сетку федеральных каналов в прайм-тайм. А Елена Павловна получила необходимый ей генетический материал. Это помимо ещё одного особенного, пополнения гаража и так, по мелочи... Она не была финансово заинтересована. Но не поднять с пола, что просто так валяется?.. Извините! Сдерживалась. Честно. Очень сдерживалась. Но это уж как в старом анекдоте про боксёра, которого жена окормливала борщом – и получила фингал под глаз: «И тут она раскрылась». Рефлекторная дуга.

Сперва она отобрала сперму лучших из лучших – никто не остался в стороне от такого нужного для Веры, ДНК и Страны начинания. Не мог остаться. Ибо первое лицо показало пример. В переносном смысле «показало»... То есть, пример – это пример, а не... Ой, Елена Павловна была очень рада, что ещё не научились читать мысли. А то такая неловкость, право слово.

Она отобрала двадцать пять образцов. А затем, в обстановке строжайшей секретности вышла на господина Родина. Как на одного из самых умелых и порядочных репродуктологов страны. И заказала тройню. От № 1, № 2 и № 3. От пятерни и четверни Сергей Станиславович её отговорил. Он бы может, если постарался, и вообще от всего этого «кейса с суперфундацией» отговорил бы, но... он был наголо оципан последней женой. Оципан и опалён. А мужчина – если он таковой по факту, а не по названию – никогда не сможет позволить себе прийти к любимой голый-босый со словами: «Люби меня, какой я есть». И любила бы. Оксана Анатольевна. А что? На хлеб с маслом им хватало. И на икорку оставалось. Но у него – дети. У Оксаны – дочь. Кто знает – возможно, у них родится ребёнок. А на свежем воздухе жить лучше, чем в душной квартире, как ни крути. На свежих воздушных двадцати пяти сотках в ближнем Подмоскovie. Слаб человек? Или это просто пересекающиеся множества рефлекторных дуг?.. Так почему бы этих денег – по-одесски выражаясь, – не заработать именно Сергею Станиславовичу?

Всё это он рассказал Оксане уже после операции.

А до того – ни-ни! Ничегошеньки. Даже когда Оксана, просматривая новости в Интренете и реакцию блогосферы, отпускала ехидные комментарии и саркастические примечания. Делал квасное лицо, поддакивал и уходил варить кофе. Если бы она знала, с чьей спермой он имел дело!.. Впрочем, он и сам толком не знал. Слава богам.

Его клиентка Елена Павловна ещё и законсервировала собственные яйцеклетки и все двадцать пять образцов «сопутствующего» генетического материала от далеко не последних лиц:

– Жизнь длинная. Вдруг эти детишки окажутся... Не того!.. – Вертела она ладошкой. – Понимаете?

– Не понимаю, – сухо отвечал всегда такой солнечный зайчик Родин.

– На детях гениев природа отдыхает. Оставляю себе люфт для маневра.

– Ну вы!.. – Сергей Станиславович никак не находил нужные слова. – Ну вы даёте! А этих куда? Если... – кивая на плоский живот Елены Павловны. Она как раз стирала салфеткой гель после ультразвукового исследования. Эмбрионы прижились и отлично себя чувствовали. – На помойку?

– Вы что, идиот?! Они мои дети! Я буду их любить, даже если из них ничего дельного не выйдет. Прокормлю, одену, обую, к делу пристрою. По квартире и машине у меня на каждого хватит. Ещё и на остальных останется.

– Так время-то идёт! – Тарашил глаза Родин. – Пока с этими... – он уже не кивал, а всего лишь с опаской косился на живот Елены Павловны. – Пока с этими понятно станет – так ваш поезд уже ту-ту!

– Вы, Сергей Станиславович, как-то резко отупели. Я же заморозила свои, – с нажимом акцентировала Елена Павловна, – яйцеклетки. А у вас и проверенные гестационные курьеры имеются, не так ли?

Елена Павловна явно была в теме. Не каждый обыватель знает, что суррогатных матерей называют гестационными курьерами или...

– Или нянями на срок вынашивания, – усмехнулась Елена Павловна, будто прочитав мысли репродуктолога. – Я не каждый обыватель. Я организатор и вдохновитель кампании «За Веру, ДНК и Страну». И я не из тех, кто относится спустя рукава к информации и знаниям.

– Это я уже понял. – Только и оставалось промямлить Родину.

Беременность протекала без осложнений. Кампания «За Веру, ДНК и Страну» пошумела-пошумела – да и стихла. Законопроект не был принят. Но кто-то отхватил немалое бабло на проведении мероприятий, на «заготпунктах», на информационном и материальном обеспечении этой несусветной глупости. В том числе – и дружок Елены Павловны. И она сама. Это кроме троих детишек.

В положенный срок была произведена операция кесарева сечения и...

– И это дети от вот тех вот, кто участвовал в этой бредовой кампании? – уставилась на Родин Оксана Анатольевна.

– Только я тебя прошу! – Умоляюще посмотрел на неё супруг. – Это же врачебная тайна! Как тайна исповеди. Ну, ты в курсе. Даже если... Даже если...

– Даже если твой моральный компас показывает в противоположном направлении? – сжалилась Оксана над Сергеем Станиславовичем.

Он только обессилено кивнул.

– Я – могила! Жена да убоится му... Слушай, а от кого они? – теперь взгляд совершенно не боящейся мужа жены горел лихорадочным женским любопытством. – Никак от... – Она задрала глаза вверх.

– Оксана! – Родин аж подскочил. – Я понятия не имею!.. Но – нет! Он ей... – он посмотрел на потолок. – Не нравится. Чисто внешне.

– Но от кого же, от кого?!

– Я бы хотел, чтобы она унесла эту тайну с собой в могилу... Нет, пусть живёт сто двадцать лет, но пусть... Оксана! Я уже жалею, что рассказал тебе!

– Правильно сделал, что рассказал. У тебя не должно быть от меня тайн. Даже врачебных! – Упредила она гипотетические возражения. – Но, блин! Прикольнo! И ужасно неэтично! Живут себе мужики, далеко не последние. И знать не знают, что у них есть детишки.

– Это замечательно! – Вздыхнул Родин. – Ни тебе претензий. Ни тебе алиментов. Ни тебе упрёков и... Прекрасная она женщина, Елена Павловна! Кстати, ты в каком месте Подмосковья хотела бы дом?

Оксана вытаращила на него глаза и кивнула на дверь кабинета, мол, оттуда дровишки? Родин кивнул. Супруги некоторое время смотрели друг на друга. Первой обрела дар речи Оксана.

– Мир определённо сошёл с ума.

– И уже давно, – ответил Родин. – Думаю, не было ни единого поколения, которое не могло бы так сказать.

– А скажи мне, мой друг, любовник и муж Родин, а были ли хоть в одном поколении раскраски для взрослых?

– Что?

– Раскраски для взрослых. Или даже: эротические раскраски для взрослых.

Сергей Станиславович смотрел на жену с недоумением.

– Тыдыбыр рассказала и показала. Реально – раскраски. И даже – эротические. Издательства выпекают, как пирожки. Вот ты можешь представить себе взрослого человека, который сидит и раскрашивает... сосок, например на бюсте шестого номера, а?

Оксана вопросительно посмотрела на Родин. Он покачал головой.

– Вот и я не могу. Это насколько надо долбануться, чтобы вместо заняться делом: почистить, погулять с ребёнком или... ну не знаю, полы и окна помыть. Лопату в руки взять. Выйти во двор с метлой. Что угодно. Потрахать. Напиться. С друзьями посвистеть... Человек – взрослый человек! – берёт карандаши, фломастеры... Кисточки. Я не знаю. И... раскрашивает сосок!

– Уж лучше бы делали порнографические раскраски. Про Белоснежку и семь гномов, например...

– Был такой мультик! Помню! Моя первая свекровь была подслеповата. И вот как-то припёрлась она к нам в неурочное время. А муж поставил этот самый мультик. Мы, конечно, быстро на кухню. А свекруха пошла в гостиную, ожидать чаёв. Минут десять смотрела, пока не поняла!

Родин и Поцелуева хохотали от души. Еле успокоились.

– Да! – Прокомментировала в завершение Оксана, утирая слёзы. – Когда бесится грузинский папа, если его дочь принесла в подоле – это нормально. Если баба родила от кого хотела и не поставила в известность – даже это нормально. Наверное... А вот раскраски для взрослых – это наверняка патология!

– Слушай! А ведь можно ещё из пластилина!..

Они снова расхохотались.

Дверь кабинета Родина распахнулась без стука. В проёме нарисовалась массивная санитарка приёма Зинаида Тимофеевна. Воткнула руки в боки и укоризненно отчитала:

– Всё хиханьки! А к нам бабу избитую привезли. И ни заведующей отделением, ни начмеда! Заперлись – и смеются!

– Зинаида Тимофеевна, не сердись! Уже бежим. Хочешь, мы тебе раскраску для взрослых подарим?

– Отраскрасила я своё. Вот лысый ты, седой или рыжий, – глянула она на Родин, – вот так и ходи! Не то красют всё, красют. Как будто под раскрашенным не то, что родилось! А оно уж, что родилось у мамы с папой – то уж родилось у мамы с папой.

Родин с Оксаной переглянулись. Зинаида Тимофеевна умела расставить всё по местам.

Кадр сорок девятый

Папа

В приёмном покое Зинаида Тимофеевна и Сергей Станиславович, возглавляемые Оксаной Анатольевной, застали чудную картину. Трагическую и комическую одновременно. На кушетке сидела женщина с неумело наложенной марлевой повязкой на голове. Это и отдалённо не напоминало «шапочку Гиппократ»⁹. Косо и криво наложенные бинты были пропитаны кровью. Лицо женщины было разбито, как после пятого раунда на профессиональном ринге. Тем не менее, она улыбалась расквашенными губами и даже что-то благостно шептала. Её за плечи придерживала акушерка. Анастасия Евгеньевна Разова держала за руки здорового красивого мужика и, подпрыгивая, чтобы дотянуться до положения «глаза в глаза» кричала ему со всем неистовством, на которое была способна:

– Я тебя урою! Я тебе очко порву! Я тебя покалечу – и менты мне не указ!

Мужик не вырывался. Выглядел беспомощно и растеряно, что никак не согласовывалось с его прикидом топ-менеджера. Анастасия Евгеньевна обратилась к вошедшим, одну руку отцепив от мужика и патетически воздев её:

– Доколе же?! Доколе эти... грубые мужланы бить будут женщин?! Женщин и детей?!

И в ярости не заметив попытку пятистопного ямба, Настенька Разова, этот нежный и милый домашний медвежонок (пусть она сняла квартиру и похудела – суть её не изменилась), вlepила мужику мощнейший апперкот – благо рост ей позволял въехать аккурат снизу. У него аж кровь из носу потекла. Он не дёрнулся, не стал менее растерянным. Точнее сказать – потерянным. Не оказывал никаких попыток сопротивления. Родин бросился вырывать жертву из Настинных лап.

– Что ты творишь?!

– Её можно понять¹⁰, – заметила Поцелуева и обратилась к акушерке: – Полицию вызвали?

– Женщина говорит, что она сама это сделала, – испуганно отозвалась та.

– Они всегда это говорят! – Прогудела Зинаида Тимофеевна, надвигаясь на мужчину, которого Родин уже заслонил собой. – С лестницы упала. Поскользнулась и головой об косяк. Ага... До такого вот.

– Прекратить самосуд! – Зарычал Родин.

Взоры Анастасии Евгеньевны и Зинаиды Тимофеевны сосредоточились на Родине. Оксана была вынуждена прийти на помощь начмеду.

– Все успокоились! Документы с собой есть?!

⁹ Есть такая повязка в искусстве десмургии (собственно, искусство о наложении повязок).

¹⁰ Настя Разова при непростых обстоятельствах стала «взрослым врачом» – см. «Роддом, или Поздняя беременность», кадр тридцать шестой «Делёж». Впрочем, Оксана Анатольевна здесь имеет в виду, надо полагать, не только печальный опыт самой Анастасии Евгеньевны, сколько и то, что в любом случае женщин бить нельзя.

Акушерка пошла к столу и протянула Оксане Анатольевне два паспорта и обменную карту.

– Вот! Порядочные они. Он все документы привёз!

– Я правда сама... – прошептала женщина.

И так она это прошептала, что все поверили. В её тоне не было страха, как это бывает у жертв домашнего насилия. Не было желания оправдать, сохранить себя или кого-то... Было только искреннее облегчение. Как бывает у человека, которого что-то сильно мучило, а потом – исчезло.

– Я... У меня... Очень важная деловая встреча... Назначена... – наконец отмер мужчина. – Алексей Владимирович Кузнецов, – протянул он дрожащую ладонь Родину.

– Сергей Станиславович Родин, – автоматом откликнулся нынешний начмед, протягивая свою.

Мужчины пожали друг другу руки.

– И тут я встречу отменил... Перенёс. Почувствовал: надо домой. Лиза... Я зашёл. Она... – Он сглотнул. – Вся в крови. Стена в крови... Мебель, лампы... Книги... Всё вдребезги. Я её в машину. Она беременная. И я – к вам... Помогите ей. Я не знаю...

И здоровенный красивый мужик кулём рухнул на кафельный пол. Прямо под ноги Зинаиде Тимофеевне. Та попинала его носком тапка и глубокомысленно заключила:

– Вот ведь. Похоже, правда не он.

– Боже! Начинается! Па-а-па! Па-а-апочка!

Врачи и акушерка бросились к женщине.

– Странно, – прокряхтела себе под нос Зинаида Тимофеевна, перетаскивая Алексея Владимировича Кузнецова на стул. – Обыкновенно во время родов мамочку зовут.

Врачи уже укатали женщину из приёмного покоя в недра отделения. Зинаида Тимофеевна вздохнула, отвесила мужчине пощёчину. Он открыл глаза.

– Ничего милый, ничего. Помогут. Разберутся. Ты сиди, сиди. Я тебе сейчас горячего чайку сделаю. Сладенького. Только юшку с морды сотру.

* * *

Ему было уже хорошо за сорок, ей – чуть за тридцать. И всё у Лизы с Алексеем было хорошо. Надёжно. Небежно. Можно сказать, счастливо. Только детей у них не было... И тут бы следовало написать как в сказках: «И вот однажды...» Следовало бы. Да не в этот раз. Любое наше «однажды» – это всего лишь результат того кем мы были и кто мы есть. Сказки – просты и глубоки. А жизнь – сложна и кишит рифами и мелями. И одним из этих рифов было странное иррациональное нежелание Лизы заводить детей. Она искренне полагала, что если родит ребёнка – перестанет быть ребёнком. Ребёнком своего отца, которого она обожала. Боготворила, пожалуй.

Все стены дома Алексея и Лизы были увешаны фотографиями. Вот крохотную новорождённую Лизу отец держит на руках, не замечая камеры. Всё его внимание – ей. Вся любовь. Вся нежность. Трепет творца перед творением. Вот ей годик – она у папы на коленях. Пять – и она обнимается с папой. Вот он учит её танцевать – маленькие ступни на надёжных папиных. Вот Лиза – угловатый всклокоченный подросток и её невероятной красоты отец смотрит на

неё с немым обожанием, прозревая за гадким утёнком прекрасного лебедя. Вот они с папой бегут по лавандовому полю. Вот пьют кофе на террасе греческого ресторана. Вот танцуют на выпускном балу. Все – с мальчиками, а Лиза – с папой.

Лиза была фотографом – и довольно успешным. Её фото реяли во всех отечественных глянцах. Но на стенах дома были только Лизины фотографии с отцом. Алексея всегда умиляла такая привязанность жены к отцу.

Но с некоторых пор стала напрягать. Хотя у него и не было особенного времени для напряжения – Алексей был деловым человеком. Бизнесменом. И бизнесменом успешным.

Как-то Лиза сидела с отцом в ресторане. Удивительно, но он был всё так же молод и прекрасен, как на её выпускном балу.

– Папа, как ты умудряешься так шикарно выглядеть?! – В очередной раз восхитилась она.

– Не моя заслуга, доченька. Генетика. Моя генетика. Которая – и твоя генетика.

Лиза всегда улыбалась в этом месте их привычного диалога. Ей было приятно, что и она не постареет с возрастом. Никаких особенных усилий. Отец не был фанатом фитнеса, не посещал пластических хирургов... Значит и ей не придётся. Генетика.

– Папочка, я тебя сегодня позвала, чтобы серьёзно поговорить.

Лиза нахмурилась – и лицо отца немедленно приняло обеспокоенное выражение. Ничто в этой жизни не могло его обеспокоить. Кроме дочери, и всего что с ней связано.

– Алексей? Он обижает тебя?! Изменяет тебе?!

– Ну что ты, папочка! – Рассмеялась Лиза. – Алексей любит меня, как и в первый день. Тебе ли не знать?! Он любит меня так, как ты любил мамочку! В жизни каждого мужчины может быть только одна женщина, ты сам знаешь!

Отец улыбнулся.

– Или две. Если одна из них – его дочь.

И это тоже были привычные реплики. Их «нежный код».

– Что же тогда беспокоит мою девочку?

– Папа! Лёшка хочет ребёнка.

– Нормальное желание любящего мужчины. Что же тебя смущает?

– Папа! Но тогда я перестану быть твоим ребёнком!

– Лизочка, что за глупости! Ты никогда не перестанешь быть моим ребёнком, моей девочкой, моей крошкой! Ты – всё для меня. А твой ребёнок – будет и моим ребёнком. Внуком. Я давно мечтаю о внуке. Или – внучке. Мне всё равно. Лишь бы здоровенький.

Тут отец чуть нахмурился.

– Что, папочка?! Что-то не так?

Отец и дочь всегда очень тонко чувствовали настроения друг друга.

– Ничего, солнышко, ничего. Мне пора...

Через некоторое время Лиза с отцом полетели на море. Алексей не смог – дела требовали присутствия в городе. Совсем не было времени на отдых.

Отец с дочерью прогуливались по Набережной. Приятный атласный ветер. Чудесный закат...

– Папа!..

– Да, малышка?

– Ты скоро станешь дедом!

Лизин отец просиял, схватил дочь в объятия, закружил... Как будто ей снова пять. После они побежали в ресторанчик, держась за руки. Отец заказал шампанского себе и ананасовый фреш для Лизы. Её любимый.

Официант открыл бутылку и налил отцу бокал.

– Только... Папа...

– Что?! – От беспокойства отец отставил бокал, не пригубив.

– У меня начала болеть голова.

Они с тревогой посмотрели друг на друга. Отец подавил подступающую тревогу.

– Ничего, доченька. Это пройдёт. Ты в интересном положении и... И женщины по разному его переносят. Больше отдыхай, меньше нервничай.

– Папа, голова начала болеть, как в детстве. Как у *тебя* в *моём* детстве.

Отец Лизы попытался ободряюще улыбнуться, но улыбка вышла какой-то бессильной.

Тем не менее с несколько фальшивым энтузиазмом он продолжил ободрять Лизу.

– Пройдёт, малышка! Обязательно пройдёт! Только непременно обратись к врачу. Непременно!

Лиза пообещала. Конечно же она обратится к врачу. Она не враг ни себе, ни своему ребёнку.

Чем больше становился срок беременности – тем сильнее у Лизы болела голова. Курирующий её акушер-гинеколог женской консультации, разумеется, направил Лизу к неврологу. Вслед за акушером-гинекологом растерялся и невролог. Дело в том, что у Лизы присутствовали симптомы всех известных ста шестидесяти цефалгий. Как будто голова болела не у одной красивой и хрупкой женщины, а разом у ста шестидесяти человек.

Лизу протащили по всем специалистам. Включая психиатров.

– Боль двусторонняя? – спрашивали у Лизы.

Она кивала.

– Сжимающего или давящего характера? – уточняли у Лизы.

Голову Лизы и сжимало и давило.

– Лёгкой, умеренной или выраженной интенсивности? – интересовались у Лизы.

– А есть выраженнее выраженной? – сквозь зубы шептала Лиза.

– Локализация болей? Орбитальная? Затылочная? Лобная? Височная? Смешанная? Интенсивней в ночное или в дневное время? Колющая? Кашлевая? Связана с сексуальной активностью? Боль по типу «укола льдинкой» или по типу «синдрома колющих ударов»? «Будильниковая» головная боль? Боль тупая после сна?

На все вопросы Лиза отвечала утвердительно. Также головные боли у Лизы сопровождалась тошнотой. Присутствовала фотофобия – боязнь света. И фонофобия – боязнь шума и суеты вокруг.

Суета вокруг включала не только бесконечные вопросы врачей, но не менее бесконечные обследования.

Анализы, энцефалограммы, аппаратные исследования – всё в норме. Спинальная пункция – норма. Нет даже повышенного внутричерепного давления, чтобы хоть как-то объяснить головные боли. МРТ во всех режимах – норма. Обзорная, с контрастным усилением, магнитно-резонансная ангиография, МР-спектроскопия, МРТ в режиме подавления сигнала от жировой ткани, градиентное эхо, FLAIR, FIESTA, МРТ в DWI-режиме... Но даже диффузно-взвешенное изображение ничего не выявило.

Алексей свозил Лизу в НИИ нейрохирургии имени Бурденко – ничего!

Исключили опухоли головного мозга. Исключили аневризмы сосудов, инсульт, эпилепсию, менингит, энцефалиты... Исключили всё. Всё чисто! Патологии нет. А голова у Лизы болела с такой силой, что ей стало казаться, что взрывается череп и вылетают глаза. Следо-

вательно, головные боли у Лизы были не вторичными, опосредованными. А самыми что ни на есть первичными. У Лизы была идиопатическая кластерная головная боль (что в переводе с врачебного на человеческий обозначает: «по непонятной причине голова болит так, что лучше умереть»). Идиопатическая кластерная головная боль во всех её проявлениях, включая и пароксизмальную гемикранию, известную доброму обывателю, как мигрень. Включая и новую ежедневную персистирующую головную боль. Вся линейка из МКБ¹¹, касающаяся головных болей, имелась у Лизы. Не имелось только диагноза. И что было хуже отсутствия диагноза – головная боль ничем не купировалась.

Алексей, и прежде беззаветно любивший жену, теперь стал относиться к ней как к фарфоровой вазе эпохи династии Тан. Уходя, он задёргивал шторы, расставлял у постели всё необходимое – еду, воду, соки, таблетки... И уже был готов найти дилера, чтобы раздобыть жене наркоты. Предлагал нанять сиделку – Лиза категорически отказывалась. Чужой человек рядом, когда и от Алексея в затылке взрываются сверхновые? О, нет!

Как только муж уходил – Лиза звонила папе. Он тут же приезжал. И только с ним ей становилось легче. Он гладил ей руку, массировал виски. Успокаивал:

– Не плачь, малышка. От слёз только больней.

Они часами вспоминали её детство, маму. Рыбалки, походы под парусами. Лес и грибы. Поля и цветущие в пустыне ирисы и маки. Лиза засыпала под его мерные рассказы. Голос отца убаюкивал. А когда она просыпалась – папы уже не было.

Головные боли были настолько невыносимыми, что акушеры-гинекологи предлагали сделать аборт, ссылаясь на возможную извращённую форму раннего гестоза. И Алексей был с ними согласен. Он любил Лизу. А дети... Дело такое. Можно и усыновить. Или – попробовать ещё раз.

Но Лизин папа очень хотел стать дедом.

И Лиза спряталась от врачей. Всё равно от них пользы никакой. Назначают приёмы, собирают консилиумы... Только усиливают муки.

С двадцати семи до тридцати двух недель Лиза отсиживалась дома, докторов не посещая и вовсе никуда не выходя. Видясь только с отцом. И с мужем.

И вот сегодня, вернувшись с первой за день деловой встречи, Алексей застал Лизу в таком виде. И срочно привёз её в роддом. А куда ещё везти беременную женщину? Ну да.

* * *

Лиза уже пришла в себя. Раны были обработаны, повязки – должным образом наложены. Она лежала в отдельной палате. Окна были занавешены плотными жалюзи. Рядом сидел Алексей. Увидев, что жена открыла глаза, он погладил её по щеке.

– Бедная моя. Бедная моя девочка... Я сейчас позову докторов. С ребёнком всё в порядке. Не волнуйся.

Алексей вышел. Через минуту к Лизе зашёл отец – непонятно, как с зятем разминусь.

– Господи! – Ахнул отец. – Что же ты с собой сделала!

Он сел на край кровати и взял её за руку.

¹¹ Международная классификация болезней.

- Папа! Было нестерпимо, а ты всё не приходил и не приходил!.. Пахнет кофе с корицей? Отец потянул воздух.
 - Да, действительно! А я шёл и думал: «какой знакомый запах!»
 - Папочка, принеси, пожалуйста, кофе с корицей! Мне очень хочется кофе с корицей!
 - Но с тобой всё в порядке?!
 - Да-да, не волнуйся! Лёшка здесь. Сейчас врачи придут.
 - Хорошо, ласточка!
- Папа поцеловал Лизу и вышел.

Осмотрев и опросив Лизу, Поцелуева, Родин и Святогорский собрались в кабинете начмед на консилиум. На столе лежала обменная карта. История непонятной болезни толщиной с «Войну и мир». Оксана и Родин горячо обсуждали пациентку, Аркадий Петрович же внимательно изучал данные истории, сохраняя молчание. Что было для него не характерно.

- Ничего не понимаю! – Удивлялась Оксана Анатольевна. – Всё! Абсолютно всё в норме!
- Может, у неё бешенство? – предположил Родин.
- Которое не обнаружили при таком количестве исследований на всё про всё. И ещё про запас сверху?!
- Ну не прикидывается же она! – Воскликнула Поцелуева.
- Да уж вряд ли! Зачем?! Да и какое прикидываться! – Родин взмахнул рукой. – Такое с собой сделать... Это реальная боль! А вдруг всё-таки бешенство?.. Атипичная какая-нибудь форма, а?

Они оба с надеждой посмотрели на Святогорского. Он захлопнул историю Лизы и мрачно забарабанил пальцами по столу.

- Аркадий Петрович, ты меня пугаешь, – прокомментировала Оксана.
- Очень пугаешь, – поддакнул Родин.
- Бешенство или не бешенство – а Милуокский, он же Висконсинский протокол необходимо задействовать.

Друзья вытаращились на него. Первым отмер Родин.

- Ты предлагаешь вогнать беременную женщину в искусственную кому?!
- Святогорский кивнул.
- Да он у нас вообще не зарегистрирован! Да и... У них тоже, всего шесть подтверждённых случаев! А если она... – Родин оборвал сам себя. – Тебя посадят. Меня посадят. Нас всех посадят! Если... То мы, получится, убили женщину. Беременную женщину. В родильном доме.
- Аркадий Петрович ещё немного побарабанил и кивнул на толстенную историю Лизы.
- Я понимаю. Муж у неё богатый парень. На исследования не жидились. Но я не нашёл там самого элементарного. Семейного анамнеза.
 - Есть там семейный анамнез. Всё чисто. Никто ничем не болел.
 - Вот это меня и смущает. Такая краткость и чистейшая прозрачность. Ребята, мы были в палате у Лизы вместе. Теперь вы не против, если я поговорю с ней наедине?
- Начмед и заведующая обсервацией синхронно кивнули. Святогорский вышел.

- Что это с ним? Не балагурил. Не читал нам лекций с историческими экскурсами?
 - Неправильно поставлен вопрос, моя возлюбленная супруга. Если так себя ведёт Аркадий Петрович, надо спрашивать: «что с Лизой?» Ох, чует моя мошонка...
- Родин получил от возлюбленной супруги чувствительный тычок в плечо.

Святогорский вошёл в палату без стука. Лиза лежала на кровати, в палате царила полутьма. На тумбочке у Лизы был стакан кофе. Она слабо улыбалась.

- Вы уже были у меня сегодня, да? С другими докторами.

– Да, Лиза.

Анестезиолог внимательно смотрел на неё.

– А муж и папа только что ушли. У Лёшки – очень важные встречи. Серьёзный проект. Я сама его вытолкала. У нас будет ребёнок. А ребёнку нужна обеспеченная жизнь.

– Папа почему ушёл?

– Я попросила его принести мне лавандовое мыло. Когда я чую запах лаванды – мне становится легче. Мы с папой в детстве часто...

– И как часто вы чувствуете запах лаванды?

– Постоянно, – улыбнулась Лиза. – Я пользуюсь только лавандовым мылом. ... Вы считаете, что я сумасшедшая?

– С чего вы взяли?

– Невропатологи уже спрашивали меня об обонятельных галлюцинациях. У меня болит голова. Это не значит, что я безумна.

Лиза чуть надулась.

– Лиза, я не говорил, что вы – безумны. ... Вы позволите мне подождать вашего отца? Я хочу с ним поговорить.

– Разумеется, – ответила Лиза. – Присаживайтесь.

Святогорский сел на диванчик, стоявший у противоположной стены «блатной» палаты. Некоторое время они молчали.

– Лиза, сейчас у вас болит голова?

– Да... Простите, не запомнила как вас зовут.

– Аркадий Петрович. Это вы меня простите, что не представился. Я врач-анестезиолог.

– Я уже не помню, когда у меня не болела голова. Просто сейчас она болит чуть меньше. Так всегда бывает, когда папа рядом. Не знаю почему.

– На сколько баллов сейчас боль? По десятибалльной шкале?

Лиза снова улыбнулась.

– На семь, Аркадий Петрович. И это огромное облегчение. Потому что вот уже тридцать две недели она почти всё время болит на десять из десяти.

– Почему же ваш отец не постоянно с вами, если его присутствие облегчает боль?

– Аркадий Петрович, он молодой активный мужчина...

– Он должен быть примерно моего возраста, Лиза.

– Да. Но он очень хорошо сохранился. У нас такая генетика. Большая удача. Он молодой активный мужчина, а я – взрослая женщина. Я не могу отвлекать его от жизни двадцать четыре часа в сутки. Я не эгоистка. Когда он может – он приходит. Мне достаточно.

– Резонно. Вы умная женщина, Лиза.

– Мне пришлось стать умной и взрослой. Моя мать погибла в автокатастрофе двадцать лет назад.

– Понятна ваша привязанность к отцу.

Они снова недолго помолчали.

– И ваш отец, молодой и активный мужчина с хорошей генетикой, так и не женился?

– Нет. Он очень любил маму.

Лиза внимательно посмотрела на Святогорского.

– Вы же понимаете, что иногда бывает такая любовь, что...

– Да-да, кажется я понимаю. Но что-то долго ваш папа ходит за мылом. Тут буквально за углом есть огромный лабаз косметики.

В этот момент в дверь палаты просунулась молоденькая акушерка и громко зашептала:

– Аркадий Петрович, вас срочно вызывают в ОРИТ.

Святогорский поднялся.

– Простите, Лиза. Неотложные врачебные дела. Я постараюсь побыстрее. Когда ваш отец придёт – попросите его меня дождаться. Это важно.

Он уже, было, двинулся к двери. Но развернулся и подошёл к Лизе. Взял её за руку. Затем потрогал лоб.

– Лиза, скажите, у вас бывает чувство жжения и чувство холода одновременно?

Лиза кивнула.

– Да. Я не знала как это сформулировать. А до вас меня никто из врачей об этом не спрашивал. Я действительно часто горю и леденю в одно и то же время. И температура при этом...

– Нормальная. Да. Спасибо, Лиза. Передайте вашему батюшке, чтобы непременно меня дождался!

Святогорский вышел из палаты.

Ничего такого срочного в ОРИТ не было и Святогорский после отправился напрямиком к Родину.

– Ну что там?

– Если ты имеешь в виду отделение реанимации и интенсивной терапии – там всё нормально. Новенькая анестезистка перестраховывается.

– Фуф! – Облегчённо выдохнул Родин. – С этой Лизой тоже вроде как тьфу-тьфу-тьфу. Нормализовалась. К ней снова заходил её папаша, и ей полегчало. Оксана распорядилась ввести трамадол внутривенно.

Аркадий Петрович внимательно посмотрел на Родин. И даже слегка кривовато усмехнулся.

– До задницы тут ваш трамадол. Лизе необходимо замедлить церебральный кровоток и метаболизм тканей. Надо сильно затормозить постсинаптические мембраны нейронов головного мозга. Надо перевести «электрику» высшей нервной деятельности в экономный режим. Потому что у нашей Лизы там сейчас не светильник разума, а факел крекингowego производства, нес па?

Родин смотрел на Святогорского с непониманием.

– Танька Мальцева и Сёма Панин уже бы догадались. Рано вас с Оксанкой на должности поставили. Рано.

Святогорскому в этом роддоме и в этой больнице давно можно было всё. Тем более сказать такое Родину.

– Ей нужна медицинская кома. Ты или принимаешь решение – или ты не принимаешь решения, Сергей Станиславович. Ты – начмед. В структуре нашей многопрофильной больницы – ты фактически главный врач родильного дома. У тебя есть два пути. Первый: выписать Лизу. Акушерской патологии нет. Плод себя чувствует относительно хорошо. Второй: попытаться её спасти, введя в искусственную кому. В истории родов мы можем записать, что делали нейролептанальгезию.

– Да от чего её нужно спасать?!

– От себя, Родин. От себя.

– Диагноз! Скажи мне диагноз!

– Я не уверен.

– Ты, значит, не уверен, а я – принимай решения!

– Пусть решение примет муж. Возьми у него согласие на медицинскую кому. Лизу вы, разумеется, тут же прокесарите.

– Да что я в эти чёртовы бумажки напишу?! – Воскликнул Родин, швырнув на стол Лизину историю родов.

– Серёжа. Есть бумажки – и они всё стерпят. А есть человек. И он может вытерпеть далеко не всё. Ты заботаешься о правильности документации или ты спасаешь человека? Ты почему во врач в итоге пошёл?

Родин смотрел на Святогорского с беспомощной детской растерянностью. Аркадий Петрович махнул рукой.

– Где её муж? Я сам с ним поговорю.

– Обещал вернуться вечером. Где-то здесь крутится её отец. Бери у него согласие, если всё так срочно. Хотя я, признаться, ни черта не понимаю!

Святогорский покачал головой, одарил Родина очень говорящим взглядом, который бы на раз считали Мальцева и Панин. И вышел из кабинета.

Он шёл по коридору обсервации к палате Лизы. И ему пришлось перейти на бег. Потому что раздались страшные вопли и к её палате понёсся персонал, обтекая шарахающихся перепуганных беременных и родильниц. Его верный анестезиологический чемодан был с ним. В палате уже были Оксана Анатольевна и Анастасия Евгеньевна. Они пытались успокоить Лизу – но куда там. Тут нужен был дюжий санитар или...

– Натрия оксибутират, – сказал Аркадий Петрович, вводя препарат.

И Лиза успокоилась «на игле».

Затем он смешал свой фирменный коктейль для комбинированной длительной внутривенной анестезии, ввёл его Лизе, отдавая распоряжение Оксане Анатольевне:

– Разворачивайся, Засоскина! Чем дольше ты тормозишь, – тем сильней медикаментозная депрессия плода. Неонатологи по головке за такое не погладят.

– Аркадий Петрович, что вы делаете?!

Заведующая обсервацией была растеряна не меньше своего мужа.

– Беру командование на себя, – он кивнул на кровавые потёки по стенам палаты. – Пока что нейролепсия. Затем – комбинированный эндотрахеальный наркоз. А затем – искусственная кома.

Тыдыбыр уже бежала в сторону родильно-операционного блока.

Тридцать две недели – вполне жизнеспособный плод. Особенно при нынешнем аппаратном и медикаментозном оснащении. Поцелуева с Разовой окончили операцию. Святогорский ввёл Лизу в медикаментозную кому. Муж и отец Лизы всё ещё не появлялись. Родин собрал всех у себя в кабинете. И он был мрачнее тучи. Он даже позволил себе кричать на Святогорского!

Аркадия Петровича, признаться, это совсем не напугало. Он попросил Родина набрать номер заместителя министра здравоохранения по материнству и детству Панина Семёна Ильича и включить громкую связь. Через несколько гудков Панин ответил – и все присутствующие, кроме Аркадия Петровича, поневоле чуть не взяли под козырёк.

– Сёма, привет! Святогорский.

– Здравствуй, Аркадий Петрович.

– Семён Ильич, я самовольно ввёл женщину в искусственную кому.

Панин взял совсем небольшую паузу.

– Уверен, ты это сделал не по желанию своей левой ноги.

– Семён Ильич, скажи мне... Даже не мне, а всем присутствующим при этом разговоре в кабинете у Родина олухам царя небесного, включая его самого, что такое сенестопатическая головная боль.

– Это головная боль, которой нет. Невозможно обнаружить её причину и источник. Абсолютно всё в норме. Но которая есть настолько, что – отвал башки.

– И чаще всего какой бывает эта головная боль?
– Аркаша, тебе заняться нечем, кроме как меня элементарный курс...
– Сёма, просто отвечай, пожалуйста! Олухи царя небесного слушают тебя, затаив дыхание!

– Ох, грехи мои тяжкие, – проныл Панин, но подчинился старому другу. – Такая боль чаще всего бывает «сделанной».

– Чем «сделанной», Сёма? Чем?!

– Да ты не хуже меня знаешь! Шизофренией! Чем же ещё!

– Но всё равно! – Родин опомнился, что он тут начмед. И тоже имеет право голоса. – Я понимаю, Семён Ильич, что Аркадий Петрович старше меня, опытней, умнее, что угодно. Но он не взял разрешение ни у мужа, ни у отца пациентки!

– Мужа не было в роддоме, Семён Ильич. А решение надо было принимать срочно. Решение на уровне: «мы позволим беременности стать триггером окончательного отъезда крыши в никуда» или «сохраним жизнь ребёнку и относительное психическое здоровье матери».

– Да отец её вот только был! Только отошёл. И через пять минут бы вернулся! – воскликнул Родин. – Я не понимаю, что, неужели счёт шёл на...

В этот момент в кабинет ворвался взъерошенный Алексей.

– Что происходит? Почему меня не пускают к Лизе?! Почему её прооперировали?

– Семён Ильич, не отключайся. Позволь мне насладиться показательной поркой двоечников и разгильдяев.

Он красноречиво оглядел Родина, Поцелуеву и даже Разова не осталась незамеченной. Затем он обратился к мужу Лизы:

– Алексей. С вашей женой всё в порядке. По крайней мере – с её физическим здоровьем. У вас родился прекрасный мальчик, хотя и слегка недоношенный. Он быстро нормализуется. Я сейчас провожу летучку с замминистра по поводу как раз вашей жены. Всё под контролем. Я, Алексей, попрошу вас сказать глубокоуважаемым начмеду, заведующей отделением и ординатору, где отец вашей жены?

Алексей видимо был действительно хорошим бизнесменом. Никаких сцен с заламыванием рук и выяснением чего бы то ни было не произошло. Он спокойно ответил на вопрос Святогорского:

– Там же, где и последние без малого два десятилетия. На кладбище.

У всех, кроме Святогорского, отвисли челюсти.

– Семён Ильич, я поставил вас в известность о том, что перепрыгнув через голову заместителя главного врача по акушерству и гинекологии, ввёл пациентку в искусственную кому. Отбой.

Он встал и нажал на кнопку. Затем обратился к Родину:

– Сергей Станиславович, я могу воспользоваться вашим кабинетом для разговора с мужем пациентки?

Родин молча кивнул.

– Конфиденциального разговора.

Родин поплёлся на выход без второго слова. За ним на выход отправились Поцелуева и Разова.

– Присаживайтесь, Алексей. Разговор будет нелёгкий. И не думаю, что короткий.

Выяснилось вот что. Восемнадцать лет назад Лизин отец, молодой генерал ФСБ, как-то пришёл домой, застрелил жену и сам застрелился. Списали на стрессы и срывы. На этом история Лизиной семьи для Алексея заканчивалась. Он знает только, что Лиза очень любила своих родителей. Особенно отца. Весь их дом увешен фотографиями Лизы с отцом. Ничего

удивительного. Мать Лизы была профессиональным фотографом. Отличным профессиональным фотографом. Стояла у истоков отечественного глянца. Была членом соответствующего профессионального союза. Дочь пошла по её стопам. Фотографий Алексея у них в семейном архиве тоже куда больше, чем фотографий самой Лизы. Так бывает, когда живёшь с фотографом. Алексей встретил Лизу много позже трагической гибели её родителей. Да, она всё ему рассказала. Но для мира у них была версия с автокатастрофой. Согласитесь, не каждому будешь хвастать, что твой обожаемый отец сперва с одного выстрела в сердце отправил на тот свет твою не менее обожаемую мать – а затем пустил себе пулю в голову. Лиза их и обнаружила, когда пришла домой. Ни записки, ничего. Она долго ходила к психологу...

В этом месте рассказа Святогорский взвился от ярости.

– Шарлатаны херовы! Знаний и образования – никаких! Лишь бы клиент с крючка не соскочил! Если уж врачи – и отменные врачи! – не заподозрили! Даже во время беременности!.. Кажется, я бы не отказался от пистолета. Так бы и ходил с ним по психологам!.. Потому что ну не понимаешь, не разбираешься – не лезь! Отправь к профильному специалисту!

Алексей всё ещё не очень понимал, в чём дело. Злость Святогорского была ему не ясна.

– Простите. Это была совершенно неоправданная вспышка гнева.

– Но что, чёрт возьми, с Лизой?!

– Алексей. Я дам вам контакты отличного психиатра. Подчёркиваю – психиатра! Не психолога. Психиатра! Но сперва нам надо вывести Лизу из искусственной комы. – Святогорский глубоко вздохнул. – Много. Очень многое зависит от того, в каком состоянии сознания она из неё выйдет. Если бы кто-то раньше предположил... Хоть один из!.. Но мы все так заигрались в инструментальные и аппаратные методы исследований, что совершенно забыли о старом добром клиническом мышлении. У большинства молодых докторов его попросту нет!

Алексей всё ещё не понимал, о чём речь.

– Если бы Лизу ввели в искусственную кому чуть раньше. До появления слуховых, зрительных и обонятельных галлюцинаций, до двигательного возбуждения, до бреда – я бы гарантировал... А сейчас...

– Вы мне можете простым человеческим языком объяснить, в чём дело?!

– Алексей, я подозреваю что у отца вашей жены была шизофрения. Параноидальная шизофрения. Какие бы стрессы и срывы человек ни испытывал – его не сорвёт, если в геноме нет, как бы это выразиться, «нужной готовности», склонности. Скорее всего, он и сам не знал. Или – скрывал. С диагностированной, «учётной» шизофренией он бы точно не дослужился до генерала ФСБ. Конечно, можно написать шпионский роман или сценарий сериала. Но ларчик чаще всего открывается просто. Что было с отцом вашей жены – мы никогда не узнаем. Но судя по тому, что во время беременности случилось с его дочерью – он был шизофреником и передал Лизе соответствующий ген. Беременность явилась пусковым механизмом, развернувшим этот ген. В любом случае ей необходима помощь психиатра. В каком объёме? Давайте для начала выведем её из комы.

– Я люблю Лизу. Я никогда не сдам её в дурдом.

– Алексей, никто не говорит о психиатрической лечебнице. Пока... Но вспомните. Отец Лизы обожал свою жену. И он же её застрелил. Понимаете?

Святогорский внимательно посмотрел на Алексея.

– Вы хотите сказать, что Лиза представляет опасность? Для меня? Для сына?

– Я не знаю.

– Но как я мог не заметить, что она... проводит время с отцом. Бред какой-то!

– Это он, Алексей. Бред. Только в клиническом смысле слова. Лиза – та Лиза, которую вы знаете, не была со своим отцом. С ним была другая Лиза. И та, другая Лиза, ничего не говорила вашей Лизе. Шизофрения. Расщепление души. Разность личностей. Одна Лиза не пускает другую Лизу на свою территорию. Ваша Лиза не знала, что она проводит время с отцом. Когда появлялись вы – главной становилась ваша Лиза. Вашу Лизу совершенно не в чем винить. Другую Лизу, запертую внутри вашей Лизы – тоже не в чем винить. Другую Лизу надо... – Святогорский искал слово. – Нивелировать.

Пока Святогорский беседовал с мужем пациентки, Родин и Поцелуева сидели в её кабинете как оплётанные.

– А я-то, дура. Сама за тем папой по всему отделению бегала. Тыдыбыра гоняла. Только что был, только вышел, сейчас вернётся...

– Шизофреники очень хитрые.

– Шизофрения очень хитрая. А бедные шизофреники – жертвы этой хитрости.

– Мы идиоты. Хорошо, что у нас остался Святогорский. Который был достаточно смел...

– А ведь прав – Мальцева сразу поверила бы ему.

– Не гожусь я на должность начмеда!

– А я – заведующей.

– Ты – годишься, годишься! – Горячо запротестовал Родин. – Это я!

– Всё, хватит! – Оборвала мужа Оксана Анатольевна. – Что за сеанс самоуничижения. Которое паче гордости, ага! Учиться, учиться и учиться. Раз мы такие дебилы! Погрязли исключительно в ремесленных манипуляциях-операциях и совершенно разучились думать.

Оксана схватила трубку внутреннего телефона и яростно потыкала в кнопки.

– Тыдыбыр! На следующую неделю готовишь клинический разбор Лизиного случая. И пространный подробный доклад на тему «Беременность и психические заболевания».

На следующий день Святогорский в присутствии Родина, Поцелуевой, Разовой и, конечно же, Алексея, – вывел Лизу из комы. Она открыла глаза, уставилась на Святогорского.

– Мальчик. Красивый здоровенький мальчик. Немножко маленький. Но недоношенные потом даже перегоняют...

Лиза нашла взглядом мужа и, ласково улыбувшись ему, сказала:

– Папа!

Все похолодели. Алексей бросился на колени перед Лизиной кроватью, схватил её руку и заплакал.

– Ты – папа, а я – мама. Вот и стали мы папой и мамой! Почему ты плачешь?

В этот момент поневоле заплакали все присутствующие. Разве Святогорский помнил о врачебном долге.

– Лиза, у вас болит голова?

– Нет... Боже мой! Я и не заметила, что у меня не болит голова! Откройте же скорее занавеси и принесите мне сына! Почему вы все плачете?

Святогорский настоял, чтобы Алексей отвёл жену к психиатру. Лиза отрицала своё общение с отцом. Сама мысль об этом была ей дика. Её отец давно покоится в земле. Как она могла с ним общаться?! Хитрая шизофрения ушла. Навсегда или на время?

– Алексей, любите ли вы «Доктора Хауса» так, как люблю его я? – поинтересовался Святогорский.

– Я-то люблю! Но вы, врач! Наверное, вам там многое нелепо? – удивился Лизин муж.

– Это да, это да. Но это же не профессиональное пособие и не ремесленное руководство. А в остальном – это очень мудрая сказка. Помните серию, где к Хаусу приходит лётчица, жаждущая стать астронавтом и у неё...

– Да. «Ты будешь единственным астронавтом с аневризмой головного мозга. И потому – самым осторожным астронавтом».

Алексей хотел подарить Святогорскому машину. Но Святогорский сказал, что ему будет достаточно ящика коллекционного виски. Алексей презентовал ему ящик такого виски, что автомобиль обошёлся бы дешевле.

– Я умру около этого бухла, так и не открыв его! Это просто невозможно! Самогон такой стоимости! Вот где настоящая шизофрения!

Впрочем, как-то к нему заявился Панин. И сам открыл бутылку, продемонстрировав смелость, которой не хватало его старому другу.

– Панин! Верни Мальцеву в начмеды! Родин – шикарный мужик, замечательный врач. Но ему не хватает... Пока не хватает. Но, понимаешь, он уже в том возрасте, когда «пока» равно «уже». Верни нам начмеда!

– Я что, против? – бурчал Панин. – Я только за. Но она... Да ты сам всё знаешь. Вот бери бутылку и сам лезь к ней в берлогу. Я ещё не настолько ума лишился – медведицу в спячке беспокоить!

Кадр пятидесятый Берлога

Здравствуй, Танюша!

Я обещал не писать тебе длинных писем. Подхватываю на окончании предыдущего.

...В 1905 году Матвей Фёдорович и Екатерина Даниловна сели на пароход, отчаливавший из Одессы в Константинополь. Маленькой Мусе едва исполнился годик. Мой прадед – в честь которого назвали, как ты уже знаешь, твоего покойного мужа – очень любил Отечество, уважал политику Господина Столыпина и понимал чувства Государя. Но более всего он любил, уважал и понимал свою семью. Не надо было обладать нечеловеческим чутьём, чтобы догадываться: пятым годом всё это не ограничится.

Первоначально он планировал осесть в Европе. Но именно любовь к семье погнала его дальше по глобусу. И в 1913 году он продаёт налаженный бизнес, богатый дом в предместье Парижа и прибывает в Нью-Йорк. Наверняка ты в курсе, что некогда были такие времена, когда для того, чтобы стать гражданином Соединённых Штатов Америки, было достаточно до них добраться...

В дверь постучали и Мальцева немедленно свернула почтовое окно. Разумеется, никто не будет ждать разрешения войти. Особенно Святогорский.

– Тань! Поднимись наверх, бога ради! Ты ведёшь себя просто неприлично!

– Аркадий Петрович, даже Панин блюдёт прайваси!

– На то он тебе и муж. Друзья же людям даны вовсе не для соблюдения личных границ. А накурила-то, накурила! Ты что, несколько сразу запаливаешь?!

Святогорский помахал ладошкой, развеивая совсем не воображаемый дым, и осуждающе посмотрел на пепельницу. Размерами она напоминала скорее небольшое корыто и действительно была заполнена до краёв. Иные сотлели сами. Другие – были затушены задолго до конца...

– Эстет хренов!

Татьяна Георгиевна вытряхнула пепельницу в стоявшую у стола корзину для бумаг.

– Так лучше?!

– Нет, не лучше. Раньше ты была аккуратней.

– Ага. И весила на двадцать килограммов меньше.

– Да всем плевать!

– Мне не плевать!

– Если тебе не плевать – возьми себя в руки! Похудей! Меньше кури! И бухать по чёрному завязывай! – Он кинул красноречивый взгляд на полный до краёв стакан виски и перевёл его на опустошённую наполовину бутылку.

Татьяна Георгиевна захлопнула крышку ноутбука, судорожно вздохнула и, окунув лицо в ладони, разрыдалась.

– Ну, здрастье-приехали!

Святогорский подошёл и обнял свою старую подругу.

– Не кисни!

Мальцева со всхлипом обняла товарища, уткнувшись в его начинающее разрастаться брюшко и загундосила обиженным ребёнком:

– Аркаша! Ты – признанный эксперт в деле успокоения женщин и всё, что ты можешь сказать мне: «не кисни!»?

– Прости, – анестезиолог погладил её по голове. – Не кисни, нытик!

Оторвавшись от него и утёрши нос рукавом, Татьяна Георгиевна рассмеялась.

– О! Это уже больше похоже на брата Васю! Теперь, когда мы с тобой разыграли честно спёртую из «Теории Большого Взрыва»¹² сценку, ты обязана привести себя в порядок и подняться к гостям. И быть, мать твою, королевой! Как всегда! Быть! Королевой!

Последний пассаж он произнёс со злой горечью. Пожалуй, он был единственным человеком, на самом деле остро переживавшим всё, происходящее с Мальцевой в течение последних месяцев.

Из Америки она вернулась... Из Америки вернулась не она. Из Америки вернулся кто угодно, но только не Танька Мальцева. В соответствии с законами жанра сентиментального романа стоило бы написать «она вернулась чёрная». Но она вернулась не чёрная. Но и не светлая. Она вернулась – никакая. Покорно и монотонно рассказывала, как замечательно живёт Маргоша, как прекрасно общая подруга вписалась в земли штата Колорадо, как они с фермером идут друг другу, как счастливы в своей жизни и любви. Как будто улетал живой человек, а вернулся – робот. Робот, которому наапгрейдили программу считывания-воспроизведения эмоций. Он знает, в каком месте пошутить, в каком – съязвить, а когда и заплакать. Но он всего этого не чувствует. В любом коте... Да что там – коте! – в любой ветке, в глупом одуванчике, пробивающемся сквозь асфальт, – было больше жизни, чем в Мальцевой, вернувшейся из США.

И первым это заметил вовсе не Панин, а именно Святогорский. Аркадия Петровича сразу мучило несоответствие. Всё-таки он не только старый друг, но и опытейший анестезиолог. И он знает, когда у женщины глаза горят, а когда – это всего лишь лихорадочный блеск. Или, точнее сказать, – отблеск. Предвестник или последователь чего-то страшного. Надвигающегося или уже произошедшего. Страшное – это глыба. Недвижимая глыба. Люди существуют в поле «перед» и «после». Страшное – это как «глаз» торнадо. Там неподвижность, тишина и пустота. Безвременность вне пространства. И Татьяна Георгиевна как будто в этом самом «глазе» торнадо побывала. Да там и осталась. Сама стала этим «глазом» торнадо.

А уж после того, как Мальцева вышла замуж за Панина – Святогорский окончательно убедился: баба с катушек съехала. И надо срочно её обратно намотать. А, может быть, она в этот замуж именно для того и вышла: чтобы колпак окончательно не сорвало. Что-то в США произошло. И Таньке нужны были реперные точки. Привязки к местности. Точнее – к жизни. Одной Муси было мало. Вот она и вышла замуж... Но Семён Ильич! – опытный дружище Сёма, замминистра по материнству и детству, грамотнейший специалист по женскому здоровью, – ничего не замечал! Он был тупо бездумно счастлив. Возможно впервые за всю свою долгую жизнь. Он уже был мужем, был четырежды отцом. И даже дедом стал! Но он ничего не замечал. Или не хотел замечать.

Татьяна согласилась выйти за него замуж! – Ура!

Татьяна согласилась переехать в свитое Семёном Ильичом гнездо! – Ура!

Татьяна покорно приняла подарок: роскошный дом, чего уж – особняк, – записан на её имя! – Ура!

Татьяна разрешила ему дать дочери его отчество, не дожидаясь... – Ура!

Татьяна не перетащила сюда портрет Матвея, и он пылится в одиночестве запертой и забытой квартирке, куда она и не ходит нынче! – Ура!

¹² Американский ситком.

В общем, вёл себя Семён Ильич как жизнерадостный кретин, которому внезапно попёрло в рулетку – и он гребёт, и гребёт, и гребёт к себе, в эйфории позабыв, что казино всегда в выигрыше.

Причины его не волновали. Он был счастлив следствиями. Не разглядев, что его обожаемую Таньку накрыло.

Даже то, что Мальцева совершенно перестала интересоваться дочерью – не насторожило Панина. Ну а что такого? Танька никогда не любила возиться с детьми. Мать – не та, что жопу моет. Слава богу, есть кому быть и мамками, и няньками, и гувернантками. Люди-то они не бедные! Сам Панин в дочери растворился совершенно. И Татьяна даже шутила, – тем самым роботом, – что, мол, инверсия. Обыкновенно мамочки сходят с ума и идентифицируют себя с малолетними детишками, совершенно забывая о мужьях. А тут вот Сёму стобануло необыкновенно. Натуральный Рэтт Батлер. Того и гляди пони купит.

Она даже к работе стала равнодушна. Танька! Равнодушна к работе! Нет, она как и прежде была добросовестна. Сверх меры. Но это... Как бы... «Пропала искра в отношениях!». Сперва все списывали происходящее на отсутствие верной Марго. Ну что за Дон Кихот без Санчо Пансы?! Но в конце концов, жизнь – не литература. Марго и Марго. Всего лишь старшая обсервации и гениальная акушерка. Незаменимых людей нет. И ампутацию руки переживают рано или поздно. А что друг? – ну так вот он тебе, друг. Нынешний мир позволяет. Хоть несколько раз в день кури по скайпу. Чем тебе скайп не подвал или кабинет?

Через два месяца по возвращении Святогорский застал Мальцеву за интересным занятием. Она резала себе вены. Глубоко, методично – со знанием дела.

Роддом закрылся «на помойку» – как любят писать девочки на форумах. И все уже ушли в отпуск. Начмед Татьяна Георгиевна Мальцева заперлась в «блатном» семейном родзале и набрала полную ванну горячей воды. Заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии Аркадий Петрович Святогорский, катившийся за город в компании своей верной супруги, внезапно ощутил невероятной силы волну – и развернулся через две сплошных. На трассе. И даже его жена – как известно, Исполняющая Обязанности Всевышнего, – сварливая особа, никогда не упускающая случая распилить своего мужа вдоль, поперёк, с последующим мелким шинкованием, – молчала до самого родильного дома. У которого он тормознул так, что разверзлись бы хляби небесные, если бы они не разверзлись прежде, – ливень шёл стеной вот уже с полчаса. Чуть не въехав в стену, он выскочил, не захлопнув дверь.

– Идиот... – прошептала супруга, обретя дар речи. – Салон же заливают.

Лохань, в которой лежала Мальцева, уже заливало красным в тот момент, когда Аркадий Петрович вынес дверь плечом. Мысленно поблагодарив Марго за экономию на всём. И на дверях. И на петлях. Всё-таки он почти пожилой уже человек. И не так, чтобы спортсмен. Хорошо хоть место для разбега имеется.

На три месяца исполняющим обязанности начмеда снова стал Родин. О произошедшем с Мальцевой знали только трое. Святогорский. Панин. И она сама. К психиатру, конечно же, обратились. Неофициально. И к проверенному. К её старому приятелю. Медицинская тусовка – дело такое. Начмед по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы, практически главный врач родильного дома – и попытка суицида. Сумасшедших даже в санитарки не берут. Психиатр глубоко копать не стал. Чего тут глубоко копать, когда всё на поверхности? Поздние роды. Переутомление на работе и «по жизни». Догнавший послеродовой психоз – в клиническом его проявлении. Отдых и покой. Покой и отдых. Как-то так.

Мальцева покорно согласилась. Можно было сказать, что она согласилась с радостью. Но какая уж у робота радость-то?! Согласилась покорно.

Из единственных волевых движений: попросила Панина её кабинет обустроить в цокольном этаже. Хотя он уже сделал ей кабинет на втором этаже, со множеством окон и даже с

огромным балконом, уместным где-нибудь в более южных широтах. И не с балконом, а как бы это поточнее... Верандой? Патио? А она захотела медвежью берлогу без окон. Всегда отвергала его дары. Или – не хотела и не умела ценить.

– Не время! – строго сказал Святогорский.

– Да когда у неё для меня время-то?! – Надрывно ныл Панин.

Без Мальцевой, разумеется. Должен же был и он пар выпустить. А где ещё беду залить, как не в кабаке со старым другом?

– Никогда. И не будет никогда. Может быть, если ты будешь терпелив и внимателен – для тебя у неё будет час. Но времени у неё для тебя никогда не будет. Казалось, ты это понял и принял.

– Понял. И принял. Но могу я хоть тебе...

– Можешь. Но – только мне.

Обустроил Семён Ильич Таньке берлогу. Настоящее убежище одиночки. Всё по её вкусу. Стол письменный. Диванчик кабинетный. Полки книжные. Шкаф. Туалет-душ. Изолятор старого холостяка в семейном особняке.

Иногда заходила в детскую. Вести себя с Мусей не умела. Интересов её – не понимала. Улыбалась. Слова говорила правильные. Но дочь куда охотней льнула к папе. Казалось даже – считает его спасением от мамы. А маму рассматривает положенной необходимостью, которой не избежать ни единому человеку, будь этому человеку всего лишь год.

Вот сегодня этот самый год Марии Паниной и праздновали. С размахом. Который хочет и может себе позволить небедный мужчина, ставший весьма немолодым уже отцом долгожданной дочери от всю жизнь боготворимой женщины.

– Всё! Пошли!

– Аркаша! Но я прямо слышу их мысли! «Как такая красивая женщина могла настолько опуститься, так разожраться?!». Мне стыдно.

– Прекрасно! Уже какое-то чувство. Стыд – начало всех начал.

– И ещё – злоба. Я испытываю приливы злобы. От их радости, что я так... так выгляжу.

– Злоба – это вообще живительный коктейль. Что правда, злобу свою ты варишь сама. Никто из тех, кто любит, не испытывает радости, глядя нынче на тебя.

– Вот именно!

– Я знаю, что ты готова заниматься софистикой и риторикой ещё несколько часов кряду, лишь бы не идти к гостям. Но мы сейчас встанем. Ты пойдёшь к шкафу. И сменишь свой бесформенный балахон на более парадный бесформенный балахон. Я отвернусь.

– Ага! Отвернусь... Кто бы и когда раньше отворачивался, когда Танька Мальцева переодевается!

– Хорошо. Я буду смотреть. После тридцати лет в акушерстве – ты вряд ли меня поразишь необъятностью форм. Ну сколько сейчас в тебе кил? Семьдесят?

Татьяна Георгиевна уже подошла к шкафу.

– Семьдесят пять. Только никому не говори. Даже Панину. Особенно Панину! И – отвернись!

– Тебя не поймёшь! Так мне смотреть или отвернуться?

– Отвернись, но подглядывай. Что я тебя учу хорошим мужским манерам, как какого-то интерна...

Мальцева осеклась.

– Аркадий Петрович, его-то хоть там нет?

– С какого перепугу?! Сборище старое и статусное. Молодым врачам на дне рождения дочери замминистра – не место. Никаким боком. Всё, хорош резину тянуть!

Находишь сторонний наблюдатель в подвале с друзьями, он бы и не понял, что там, наверху, наступает планетарный праздник. Важно ли для Планеты рождение Нового года или нового человека? Замечает ли сам человек рождённый в глубинах его новый эритроцит или отживший год эпителий? Что мы для тела Планеты? Важны? Не важны? Мы не замечаем рождённую или умершую отдельную клетку, но каждая клетка – важна для нас. Люди мечтают о бессмертии, а оно уже существует. Точнее – тихо сосуществует рядом с шумными смертными людьми. Клетка – бессмертна. Размножение – секрет бессмертия клеток. Что есть Муся, как не слияние клеток Мальцевой и Панина? Они умрут – но их клетки будут жить. Встречая клетки других. И, значит, ни они, ни другие – не умрут. Но как же тогда, что же тогда...

– Тань! Ты что на старости лет взялась читать всю эту муть?! – Пока Мальцева переодевалась, Святогорский стоял у книжной полки, выудив что-то из завалов и держа несколько брезгливо, чуть не двумя пальцами. – «Переселение душ: мифы и реальность». – Вслух прочитал он. – Этой хренью на дешёвой бумаге, копеечным архаичным методом высокой печати, развлекают себя разве одинокие старые девы, проехавшие в подростковом возрасте остановку «Кастанеда». Но ты! Ты! Интеллектуальная аристократка и успешная баба! Я могу простить человеку попытку всё завершить одним махом. Но ты не успела потерять столько крови, чтобы необратимо отупеть!

– Двумя.

Уже переодевшаяся Мальцева рассматривала своё отражение в небольшом зеркале на стенке шкафа. Делая «приветливое лицо», «радостную улыбку» и прочую мимическую тренировку на тему «изображаем гостеприимство».

– Что – двумя? – Святогорский зашвырнул книжонку в мусорную корзину. – О! Попал!

– Двумя махами. По правому запястью. И по левому. Только не поперёк, как дилетанты. А вдоль.

Она подошла к корзине, вынула брошюрку, отряхнула её от пепла, и положила на стол. Без комментариев. Которых явно ожидал пристально уставившийся на неё старый товарищ.

– Ок. Не пристаю. В тебе уже проснулся милый профессиональный юмор на суицидальные темы. Можно считать положительным прогностическим признаком. Не всё сразу.

– Так что у нас там наверху?

– Тридцать первое декабря, моя дорогая. Тебя угораздило сделать дочери большой подарок – или подложить свинью, – как посмотреть. Родить её аккурат в тот день, когда все люди земли, как умалишённые, двадцать четыре часа подряд с трепетом ждут нового счастья. Но не все дожидаются даже нового года.

Дом действительно был украшен. В отличие от её подвала. Нет, никаких, что называется, Vegas trees. No Vegas in this house. Панин всё обустроил с большим вкусом. Никаких безобразных «дождиков», дешёвых блёсток. Никакого громадьё разнокалиберных ёлочных украшений в невысказанных количествах. Хотя, возможно, именно этого и не хватало. Цыганщины, ярмарки. Всё было настолько безупречно стильно, – что хотелось китча. Вроде той неваляшки, производства Тамбовского порохового завода, что всё ещё жила у неё в кабинете... Чёрт! Не в её кабинете. В кабинете Родина. В рабочем кабинете, как бы временно занимаемом Сергеем Станиславовичем. Ну да ладно. Семён не лезет к ней. И она не будет ему портить праздник.

В роскошной студии, метров на пятьдесят, гулянка подбиралась к разгару. Вполне, впрочем, интеллигентному. Солировал Панин. Муся с его рук, похоже, не слезала.

– А вот и наша мамочка пришла!

Не получилось тихонечко проскользнуть с Аркашей за ручку, схватить стакан с подноса у... Панин даже нанял службу на праздник. Совсем прям барин.

Выглядел Семён Ильич безупречно. Фигура у него всегда была потрясающая – всё-таки пловец. Не распустившийся пловец. А позднее отцовство его необыкновенно омолодило. И ему невероятно шла Муська, разодетая, как кукла. Роскошная кукла. Безо всяких глупых рюшей и неуместных бантов. Шикарная пацанка, блондинка-очаровашка с богатейшей мимикой, которой она могла выразить всё, что угодно. Да она, собственно, уже и разговаривала. Точнее – попугайничала за Сёмой.

– Наша мамочка плишла! – нежнейшим эхом отозвалась Муся, улыбнувшись Мальцевой. Но ручек к ней не потянула. Напротив – крепко обхватила Семёна за мощную шею, поцеловала в щёку и ещё раз кокетливо улыбнулась маме. Эдакое «мы обоюдно соблюдаем приличия, но ты же понимаешь, чьи в лесу шишки!» Да ну, ерунда! Ей всего лишь год. Шимпанзе! Не выдумывай, Татьяна Георгиевна!

– Вы прекрасно выглядите, Татьяна Георгиевна!

Кто бы сомневался, что первой к ней подскочит именно профессор Денисенко.

– Здравствуйте, Елизавета Петровна. Вы тоже очень...

– Вы расцвели и, простите мне мою откровенность, – профессор понизила голос до игривого «конспиративного» шёпота. – Вы наконец-то стали похожи на женщину, а не на больного подростка! Ну куда уж в вашем возрасте всё под мальчика маскироваться. Кому интересен набор костей!

Судя по всему Елизавета Петровна уже щедро нахлебалась безлимитным спиртным. Лишь бы на здоровье!

Были и Родин с Поцелуевой. Предпочтительно с ними Татьяна Георгиевна и тусовалась – до боя курантов оставалось ещё несколько часов. Сёмины министерские. Которых она тоже очень неплохо знала. Ельский заехал поздравить. И, дождавшись Татьяны Георгиевны, обменявшись с ней парой-тройкой слов, – уехал. Всё-таки он совсем недавно стал отцом. Домой, назад, к сыну и молодой жене. Был даже Волков Иван Спиридонович! Господи, каким макарон он успел стать из претендентов на руку и сердце – другом семьи?! Кажется, очень много прошло мимо Татьяны Георгиевны. Хотя она во всём принимала участие. И не могла не замечать, что Иван – достаточно частый гость в доме. И, разумеется, Аркадий Петрович с супругой.

Милая компания. Ни больше, ни меньше. Ровно столько, сколько требуется для дружеско-семейного формата празднования смены предыдущего ежедневника на последующий.

Но, кажется, встречать Новый год в изоляторе наблюдационного отделения было куда веселей. Наверное. Непонятно.

Татьяне Георгиевне многое было непонятно. Она с удивлением отмечала, что не она – центр внимания и душа компании. И с куда большим удивлением – что её это устраивает!

Мусю скоро уложили спать. Прежде не забыв принести маме – поцеловать в щёчку. Подарки от Деда Мороза? Утром, детка. Под ёлкой. Тебе уже всё папа рассказал, да. Зачем у меня спрашиваешь? Сверяешь показания? Неплохой навык для женщины.

Панин недовольно нахмурился. Святогорский ткнул друга локтём в бок.

Говорила-наблюдала – всё несколько отстранённо. И, кажется, никто её отстранённости, – кроме Аркаши, – и не замечал. Даже тонкие и чувствительные Оксана с Серёжей. Но у них – своё счастье. Никак друг другом не напьются, дай им бог...

Вот и куранты, слава яйцам! Шампанское, фейерверки, хлопушки. О чём они все говорят? О жизни, о любви... О! Вот уже и к политике с экономикой перешли. И очень хочется улизнуть в свой тихий уютный подвал, к непрочитанному письму...

– Друзья! Мы слишком заболтались! А, между тем, время вручать новогодние подарки! Всем присутствующим Дедушка Мороз кое-что оставил под нашей ёлочкой!

Панин наслаждался жизнью. Как будто всю предыдущую он не жил, а ждал. И дождался наконец. Только Мальцева потухла. Как будто до Панина ещё была надежда. На чудо... На что-нибудь. Она вернулась из чуда. Чудовищного невыносимого необъятного необъяснимого чуда. И хотела всё закончить. Потому что... Это никак не облечь в слова. Чуда не могло быть – но оно случилось. И это её раздавило. Она отрицала чудо. И хотела всё закончить. И теперь всё закончилось. Она вышла замуж за... за конец. Отныне – всё. Ничего в её жизни уже не случится. Это правильно. Она будет женой и матерью. Будет растить дочь. А потом просто умрёт. Как все порядочные люди.

Сёма раздавал подарки. Татьяна Георгиевна воспользовалась праздничной суетой и ускользнула в свою берлогу. Чтобы снова мучить себя. Кажется, всё закончить никак не удаётся. Попытка номер один: замуж за Панина. Попытка номер два: неудавшийся суицид. Нужна попытка номер три.

...Но Нью-Йорк ему не понравился. Они с супругой пересекают континент и обустриваются в Сан-Франциско. Городе, напоминающим им родную Одессу. И ещё немного – любимый Неаполь. Город отстраивался заново – семь лет назад он был напрочь разрушен землетрясением. В крови у моих пращуров – отстраивать заново. Иначе им не была бы родной Одесса. Но было бы смешно пересказывать тебе историю твоей Родины. И хотя это и моя Родина. Но всё-таки моя Родина – Америка. Ибо здесь я и родился. А сердце моё – в России.

...Матвей Фёдорович и Екатерина Даниловна тоже родились здесь. Заново. В разрушенном природным катаклизмом Сан-Франциско, в строительстве которого они внесли немалую лепту. Мой отец родился в Сан-Франциско. И я родился в Сан-Франциско. Мы родились в Сан-Франциско... Но я непозволительно забегаю вперёд. Маленькой Мусе было уже девять лет. И она одинаково хорошо говорила на русском, французском и английском языках. Именно благодаря моей бабушке я так хорошо – смею надеяться на это, – излагаю по-русски...

Татьяна Георгиевна слабо улыбнулась. Он действительно хорошо «излагал по-русски». На языке, оставленном в 1905 году. Она вспомнила все его «позвольте пригласить вас...» и все эти «тачечник», «класный наставник», «столовая», «портплед». Пряма какая-то «Разбитая жизнь, Или Волшебный рог Оберона»¹³.

Вошёл Панин – и она свернула окно.

– Не хочешь побыть с гостями?

– Нет.

– А со мной?

Она медлила с ответом.

– Превжняя Танька сказала бы «нет!»

– Я стала мудрее.

– Нет.

¹³ Книга Валентина Катаева, написанная на автобиографическом материале.

– Мне кажется, тебе пора возвращаться на работу.

– Я должна похудеть.

– Ты никому ничего не должна. И вообще – что за глупость?! Худеть – не худеть. Ты – та же самая Танька Мальцева, которую я встретил...

Она развернулась и пристально посмотрела на него без тени улыбки или кокетства.

– Сёма, оставь это для баб-дур. Это им нравятся истории про «ты – это всегда ты». Никто не любит толстых баб. И никогда бы ты. Или...

– Матвей?

Она даже не дёрнулась. Хотя раньше любое упоминание покойного мужа вызывало острейший приступ фантомной боли. Продолжила ровно:

– Или Матвей. Никто бы из тех мужчин, кто нравится мне, не обратил бы внимание на неопрятную толстуху.

– Вот и выходи на работу. Это приказ. Не просьба обожающего тебя мужа, но приказ министра здравоохранения.

– Ты всего лишь заместитель министра по материнству и детству. Да и Сергей Станиславович отлично справляется с обязанностями начмеда по акушерству и гинекологии.

Панин бросил на неё ироничный взгляд.

– Вот точно ты тут тупеешь, в своём подвале. Потому и сказал, что не просьба обожающего тебя мужа. Приказом министра ты назначена на должность главного врача больницы.

У Мальцевой разве челюсть не отвисла. Она уставилась на Панина. Он лишь пожал плечами.

– Семён!.. Но это же кабинетная должность. Скорее административная, чем лечебная. Я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.